

ЖИВУ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLIII г.

№ 32

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLIII

1912

Выданъ 11-го августа 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 13.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1912 г.

Морлоки.

Разсказъ Ю. Волина.

Перепечатка воспрещается.

„Человѣкъ раздѣлился къ этому времени на два различные вида живыхъ существъ... Изящныя дѣти Верхняго Мира не были единственными потомками нашего поколѣнія.

„Подобно карловинскимъ королямъ, „элон“ переродились въ прекрасныя ничтожества. Они все еще, по старой памяти, владѣли поверхностью земли, тогда какъ „морлоки“, жившие въ продолженіе безчисленныхъ поколѣній подъ землей, стали въ концѣ концовъ совершенно неспособны выносить дневной свѣтъ.

„Но ясно, что первоначальныя отношенія двухъ классовъ сдѣлались уже обратными. Немолимая Немезида неслышно приближалась къ изнѣженнымъ счастливцамъ. Вѣка назадъ человѣкъ лишился своего ближняго довольства и солнечнаго свѣта, а теперь этотъ ближній возвращался назадъ совершенно перемѣнившимся!“

Г. Д. Уэллсъ, „Машина времени“.

I.

— Вхожу это я въ сей кабачецъ, вижу—прекрасный юноша смотритъ въ окно, и тѣнь міровой скорби омрачила благородное чело... Кто бы это могъ быть? Моментально соображаю: это онъ!.. Эхъ, юность, юность! Выпьемъ, молодой коллега, за юность!—и, не обращая вниманія на то, что передъ его собесѣдникомъ стоялъ только стаканъ остывшаго чаю, Кружилинъ повторилъ:—выпьемъ!—залпомъ опрокинулъ стаканъ вина, крикнулъ и заговорилъ опять:—Къ Ременикову приглашены?

— Приглашены.

— Ну, вотъ и великолѣпно! Соведемъ, какъ Чацкій—съ корабля на балъ... Не предстоитъ ли и вамъ, милый юноша, испытать здѣсь въ нѣкоторой степени „горе отъ ума“?.. А?..—и Кружилинъ добродушно засмѣялся.

— Пожалуй,—тихо отозвался молодой человѣкъ.

И оба задумались. Впрочемъ, Кружилинъ, можетъ-быть, ни о чемъ не думалъ, а просто въ угрюмомъ молчаніи уставился въ бутылку съ виномъ—привычка стараго пьяницы. Но его собесѣдникъ думалъ тревожную и сложную думу.

Все было странно и неожиданно. Все было ново и таинственно. И еще больше сюрпризовъ ждало его впереди, потому что въ новую жизнь онъ еще не вступилъ, а только стоялъ на порогѣ ея.

Въ теченіе дня Василий Ильичъ Караваевъ, молодой горный инженеръ, приглашенный на службу иностранной компаніей каменно-угольныхъ копей, успѣлъ осмотрѣть городокъ, разросшійся вблизи рудниковъ

В. Бугро. Реверансъ.

и рельсо-прокатного завода; посетил самый завод, рабочія казармы, больницу; познакомился кой съ кѣмъ на заводѣ и въ городѣ, но въ своемъ рудникѣ побывать не успѣлъ и съ тѣми людьми, съ которыми ему придется вмѣстѣ жить и работать, не познакомился. Только съ главнымъ инженеромъ, Ремениковымъ, поговорилъ по телефону, да здѣсь, въ этомъ ресторанчикѣ, куда онъ забрелъ уже подъ вечеръ, столкнулся съ однимъ изъ своихъ сослуживцевъ, Кружилинымъ. Василий Ильичъ испытывалъ странное волненіе у преддверья той дѣятельности, къ которой онъ давно готовился и о которой мечталъ. Здѣсь, въ этомъ грязномъ, закоптѣломъ городкѣ, ему показалось, что онъ сдѣлалъ легкомысленный и преступный шагъ; что онъ беретъ на себя непосильную задачу; что онъ растерялъ все свои познанія, даже не имѣлъ ихъ никогда; что слѣпой беретъ онъ вести пятитысячную толпу по пещерѣ западней! Было страшно, и приходилось бодрить себя, вызывая мысли о служебной идеѣ, объ открывшейся передъ нимъ возможности общенія съ рабочими, примѣненія своихъ теорій на дѣлѣ...

— Который часъ?—прервалъ его думу Кружилинъ.

— Восьмой.

— Значитъ, ѣдемъ?

— Чтò вы! Еще успѣемъ!—возразилъ Караваевъ.

— Струсилъ?—лукаво улыбнулся Кружилинъ.—Ничего, юный другъ мой! Не смотрите вы такъ серьезно въ глубь вещей!.. У насъ край бодрости и легкомыслія... Плюньте на философію и вдыхайте волны жизни, какъ сказалъ бы поэтъ... А ѣхать надо. Въдѣ мы здѣсь не въ Россіи...

— Какъ не въ Россіи?

— Это, конечно, не въ прямомъ смыслѣ... Не совѣмъ въ Россіи, хотѣлъ я сказать... Наши почтенные хозяева, сыны суроваго Альбіона и дѣловой Бельгіи, любятъ аккуратность!

Они вышли изъ ресторана. День кончался. Закрывались магазины. Торопливо проходили приказчики и купцы. Внезапно въ эту дѣловую суету ворвались пьяные крики и ругань: проходила группа шахтеровъ. Потомъ съ протяжнымъ завываніемъ сирены пронесся роскошный автомобиль. Фонарей не было, да они и не нужны были. Всю ширь неба охватило зарево заводскихъ трубъ. И такъ странно, такъ ново было для Василя Ильича все, чтò творилось вокругъ него, что казалось ему сказкой, картиной на экранѣ кинематографа.

— Ну-съ, для мечтаній вамъ предоставляется полчаса ѣзды, а стоять тутъ некогда!— снова встревожилъ его думу Кружилинъ.

Они усѣлись въ коляску. Была зима, но ѣхали на колесахъ, такъ какъ санный путь въ томъ году продержался не болѣе двухъ недѣль. По зыбкой дорогѣ лошади шли тяжело, коляска переваливалась со стороны въ сторону, грозя ежеминутно вывалить сѣдоковъ.

Городокъ кончился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ресторана, изъ котораго они вышли, и дорога шла по полю. Но поле не было безлюднымъ. Сзади настигало ихъ заводское зарево, и черезъ каждыя нѣсколько минутъ раздавался протяжный гулъ, похожій на громъ, отъ впускаемой въ жерла печей руды. Спереди, слѣва и справа свѣтились вышки шахтъ. Жизнь бодрая, торопящаяся, жадная чувствовалась вездѣ.

— Такъ всю ночь?—спросилъ Василий Ильичъ.

— Ночи, дни, годы... непрерывно!—отозвался Кружилинъ.

У Караваева даже дыханье захватило. Чтò-то величественное было въ этомъ неустаннымъ напряженіи, въ этой неумирающей, неотдыхающей жизни! Смѣющимися, какъ глаза ребенка, огненными точками глядѣли въ темноту ночи окна высокихъ зданій. И отовсюду смотрѣли эти огненные глаза. Казалось, и тамъ, за горизонтомъ, не было того мѣста, гдѣ бы не смѣялись они! Розовыя струйки огненного дыма прорѣзали все небо, по временамъ смѣняясь яркими языками пламени, рождающимися только для того, чтобы ужалить небо и мгновенно поблѣднѣть, разлиться въ розовомъ дымѣ. Тысячи звуковъ, обгоняющихъ другъ друга, создавали непрерывный шумъ. Какъ прибой моря, отчетливымъ и ровнымъ дыханіемъ, гдѣ-то совѣмъ близко шумѣла паровая машина. Съ разныхъ сторонъ изъ безчисленныхъ трубъ вырывались внезапные и рѣзкіе свистки. Съ визгливымъ шипѣніемъ лилась гдѣ-то позади лавина растопленного металла. Грохотали

по рельсамъ вагонетки. Казалось, сама земля, сама эта глубокая, вязкая грязь стонетъ; казалось, само небо реветъ.

Было жутко и страшно съ непривычки и въ то же время лихорадочно весело. Не вѣрилось, что не стихія, не божество и не дьяволъ, а человекъ производитъ этотъ шумъ, правитъ этимъ атомомъ. Тамъ, позади, дыханіемъ тысячи дьяволовъ дышало огненное чудовище, и это чудовище было создано руками человека! Когда въ институтѣ Василий Ильичъ изучалъ строеніе всѣхъ этихъ доменныхъ и коксовыхъ печей, электрическихъ и паровыхъ двигателей, они представлялись ему мертвой вещью, которую онъ по своей волѣ можетъ оживить, создать и уничтожить. Но вотъ они передъ нимъ — живые. Жизнь, созданная человекомъ, разгорѣлась съ такой чудовищной мощью, что онъ и еще сотни такихъ, какъ онъ, не въ силахъ ее остановить. Развѣ человекъ теперь властвуетъ надъ этими огнедышащими чудовищами, а не они надъ десятками тысячъ? Развѣ не потому бодрствуютъ тысячи людей, что эти чудовища не знаютъ сна, изнываютъ въ подземныхъ катакомбахъ, потому что „они“ требуютъ пищи?

— Поэма!—воскликнулъ вдругъ Кружилинъ.

Василий Ильичъ быстро повернулся къ своему спутнику: какъ-то необычно восторженно для пьянаго скептика прозвучало это восклицаніе. Кружилинъ былъ неузнаваемъ. Его глаза, всегда проницательно прищуренные, были широко раскрыты и блестяли лихорадочнымъ блескомъ.

— Знаете, кто я?—энергически и нервно произнесъ онъ.

Караваевъ удивленно смотрѣлъ на него.

— Я—старая хавронья!

— Чтò это вы, Иванъ Ивановичъ?

— Я—старая хавронья! Не возражайте! Лучше столкните меня, несчастнаго пьяницу, въ грязь. Тамъ настоящее мое мѣсто!..

Василий Ильичъ былъ такъ пораженъ этой внезапной переменной, что не задавалъ вопросовъ. Нѣсколько минутъ оба молчали. Потомъ Кружилинъ заговорилъ спокойнѣе:

— Вы понимаете... Это тянется уже двадцать лѣтъ... Двадцать лѣтъ я смотрю на это непотухающее пламя и все не могу привыкнуть къ нему. Ни одна поэма не волновала меня такъ, какъ эта... Это—высшее напряженіе мощи и красоты... Смотрите! Развѣ это не божество, не дьяволъ?.. У, дьяволъ!.. И зачѣмъ вы, молодой, красивый, бодрый, зачѣмъ вы добровольно лѣзете въ когти этого дьявола? Вы забудете свѣтъ, воздухъ, человека, родину, искусства... Всего онъ васъ поглотитъ, всего!.. А потомъ, когда захотите вырваться изъ его когтей, вы не будете въ силахъ освободиться отъ его чаръ... Да, отъ чаръ его, потому что онъ таинственной силой приколдовываетъ къ себѣ!.. Вы посмотрите на меня! Я ненавижу себя за свою любовь къ нему... Я рвуся отъ него... Я пить началъ... Въ животное превратился... И все же люблю его!..

Василий Ильичъ смотрѣлъ на Кружилина, на искрящуюся трубу, слушалъ одновременно его искреннюю нервную рѣчь и гулъ подземнаго и надземнаго труда. Онъ былъ оглушенъ, ослѣпленъ всей массой новыхъ впечатлѣній. Внезапный порывъ къ труду смѣнился почти паническимъ страхомъ, а вслѣдъ затѣмъ снова охватила все его существо какая-то лихорадочная, до тѣхъ поръ неиспытанная, энергія.

Хотѣлось разспросить Кружилина, къ которому онъ почувствовалъ теперь симпатію, обо всемъ, чтò его ждало: о начальствѣ, сослуживцахъ, рабочихъ.

Но въ это время показалось высокое каменное зданіе и рядомъ съ нимъ красивый одноэтажный домъ съ ярко освѣщенными окнами.

— Здѣсь?—спросилъ Караваевъ.

— Пріѣхали!—отвѣтилъ Кружилинъ.

Онъ закурилъ папиросу, разгладилъ большіе отвислые усы и лицо его приняло опять выраженіе насмѣшливое и слегка презрительное.

— Ну, вотъ, прекрасный юноша, мы у цѣли! Здѣсь вы увидите весь нашъ Олимпъ. И авторъ „поэмы“ тоже здѣсь...

— Мистеръ Вильямсъ? — слегка волнуясь, спросилъ Караваевъ.

— Какъ же! Какъ же!—вылѣзая изъ экипажа, говорилъ Кружилинъ. — Субботы нашего почтеннѣйшаго Семена Дмитриевича всѣ посѣщаютъ...

П.

Варвара Александровна Ременникова говорила Караваеву въ шутиливо-интимномъ тонѣ:

— Ну, скучать у насъ не будете! Теперь уже здѣсь есть дамское общество. Имъ, нашимъ старикамъ, хуже пришлось!

Варвара Александровна указала глазами на группу мужчинъ, которые о чемъ-то бесѣдовали въ противоположномъ углу гостиной. Василий Ильичъ уже всѣхъ зналъ. Тамъ, въ той группѣ, были Семенъ Дмитріевичъ Ременниковъ, невысокій, умѣренно полный и весь, отъ головы до пятокъ, благообразный; высокій и худой мосье Турго, главный бухгалтеръ компаніи; докторъ Кацъ и инженеръ Заблоцкій, огромный плечистый мужчина съ мясистымъ лицомъ, выбритымъ по-актерски.

— Это—всѣ наши „піонеры“, какъ они себя называютъ,— продолжала хозяйка. — Они пріѣхали сюда двадцать лѣтъ тому назадъ. И представьте положеніе! Одни мужчины! Только потомъ, когда началъ разрастаться городокъ вокругъ завода, появились еврей-купцы... Ну, вотъ, ихъ дочка... Вотъ и все!

— Не забываютъ „единственную“, Варвара Александровна!— вставилъ Кружилинъ, который сидѣлъ рядомъ съ Караваевымъ.

— Ахъ, эта „единственная“ очень скоро выбыла изъ строя!— и Варвара Александровна кокетливо улыбнулась. — Да и то, какая я „барышня“ была? Отецъ мой былъ сельскій священникъ, а я босикомъ по полю бѣгала. Только благодаря отсутствію конкуренціи за „барышню“ сошла! — Варвара Александровна засмѣялась и, обращаясь къ Кружилину, сказала:—А вѣдь пріятно, Иванъ Ивановичъ, вспомнить молодость!

— Вамъ-то пріятно! И почтеннѣйшему Семену Дмитріевичу тоже пріятно... А намъ не очень!—отвѣтилъ Кружилинъ.—Нѣтъ, молодой другъ, вы обратите вниманіе на этого человѣка,—Кружилинъ указалъ на Ременникова. — Ну, просто счастличикъ! Везетъ во всемъ!

— Вы не очень-то нападайте на Семена Дмитріевича! Вѣдь вы злой! — произнесла Ременникова, но было видно, что ей пріятно, когда говорятъ про ея мужа.

— Еще бы, не злой! Нѣтъ вы послушайте, молодой коллега,— говорилъ Кружилинъ: — исторія невелика. Ихъ было шесть. Она одна. Всѣ влюблены. Я умудрился единственный... Всякій обозлится. И, главное, хитростью обошелъ! Понимаете... Рѣшили жребій бросить. Написали записки: пять „нѣтъ“, одну „да“... Всѣ тянутъ, а онъ устраняется: „я, молъ, не участвую“. Ну, думаемъ, не интересуется, а черезъ недѣлю — женихъ!.. А вѣдь счастливецемъ-то я былъ! Я, Иванъ Ивановичъ Кружилинъ... Будешь тутъ золь!

Семенъ Дмитріевичъ, очевидно, почувствовалъ, что рѣчь шла о немъ, и своимъ мелкимъ, торопливымъ шагомъ подошелъ къ нимъ.

— О чемъ вы тутъ?—спросилъ онъ съ живой радостью, которая переполняла все его существо.

Впрочемъ, отвѣта онъ не дождался; онъ и спрашивалъ не для того, чтобы получить отвѣтъ, а для того, чтобы что-нибудь сказать и, сказавъ, сейчасъ же забыть. Въ слѣдующій моментъ онъ уже положилъ руку на плечо Караваева и быстро говорилъ:

— Ну, что, какъ? Немного освоились? Кстати, я забылъ вамъ сказать раньше... Я получилъ письмо отъ моего друга, профессора Наитинова. Онъ пишетъ о васъ и весьма васъ хвалитъ. Я очень радъ, что вы къ намъ пріѣхали... Профессоръ Наитиновъ пишетъ, что вы пылки; но это ничего... недостатокъ, свойственный вашему возрасту... Чудака онъ, старикъ мой! Предупреждаетъ меня, что вы „лѣвый“! А кто же, позвольте васъ спросить, теперь не „лѣвый“? Я про себя скажу, я со школьной скамьи конституціоналистъ!..

Все это Семенъ Дмитріевичъ произнесъ почти скороговоркой. Караваевъ не успѣлъ вставить слова, такъ какъ изъ передней донесли голоса, и Ременниковъ исчезъ съ той же быстротой, съ какой появился.

Вслѣдъ за нимъ ушла и Варвара Александровна.

— Должно-быть, мистеръ Вильямсъ,—сказалъ Кружилинъ. Въ гостиную вошелъ, сопровождаемый хозяевами, человѣкъ средняго роста, какой-то незначительный и сѣрый. На чисто выбритомъ, продолговатомъ и лоснящемся лицѣ блуждала какая-то несмѣлая, словно произвольная улыбка; казалось, этотъ чело-

вѣкъ улыбнулся когда-то, очень давно, да такъ и забылъ улыбку на лицѣ—недосугъ было пошевельнуть мускулами. Василий Ильичъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на англичанина. Не вѣрилось, что это и есть могущественный властелинъ цѣлой области, „поэтъ, написавшій великую поэму“. Ничто не выдавало въ этомъ мѣшковатомъ, какъ-будто немного лѣнливомъ и разсѣянномъ человѣкѣ той громадной силы воли, колоссальной энергіи и смѣлой фантазіи, которыя нужны были для того, чтобы создать огнедышащее чудовище, чтобы вызвать кипучую жизнь въ тихой степной равнинѣ и въ нѣдрахъ земли, для того, чтобы собрать сюда и организовать для труда десятки тысячъ людей...

Ихъ познакомили. Мистеръ Вильямсъ посмотрѣлъ на Караваева какимъ-то страннымъ, пронизывающимъ и въ то же время лѣнливымъ взглядомъ продолговатыхъ карихъ глазъ. Василию Ильичу даже жутко стало подъ этимъ долгимъ взглядомъ. Наконецъ англичанинъ произнесъ:

— Охотитесь?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Караваевъ, удивленный этимъ страннымъ вопросомъ.

— Плохо! — и мистеръ Вильямсъ отвернулся отъ Караваева, а Ременниковъ успѣлъ шепнуть молодому инженеру:

— Мистеръ Вильямсъ очень любитъ охоту...

„Это все?“—думалъ Василий Ильичъ, и ему было немного досадно и стыдно: вѣдь онъ сильно волновался, когда мистеръ Вильямсъ приближался къ нему; волновался почти такъ, какъ однажды въ Петербургѣ, очутившись съ глазу на глазъ съ знаменитымъ писателемъ, передъ которымъ онъ преклонялся.

Почти вслѣдъ за мистеромъ Вильямсомъ пришли супруги Березины, два тихихъ человѣка, удивительно похожіе другъ на друга, оба некрасивые, скромно одѣтые, но какіе-то до чрезвычайности удовлетворенные.

— Изъ Петербурга? — спросили они въ одинъ голосъ, когда ихъ представили Караваеву.

Получивъ утвердительный отвѣтъ, супруги заговорили, не переставая другъ друга, но въ-время успѣвая другъ другу на помощь, о томъ, что имъ хочется въ Петербургъ, что они не видѣли Коммиссаржевской, не слышали Шаляпина, что, вообще, Петербургъ—культурный центръ, а имъ приходится жить въ глуши, среди людей, которые ничѣмъ не интересуются, даже не читаютъ...

Разсказавъ все это, Березины оба сразу встали и торопливо пошли навстрѣчу Варварѣ Александровнѣ, которая въ это время выходила изъ столовой въ гостиную.

— Что за чудаки?—спросилъ Караваевъ Кружилина.

— Да-съ, чудаки!—дымя папиромъ, отозвался Кружилинъ.— Среди рабочихъ слухъ ходитъ, что они социалисты... Все-то они съ книжками, да про книжки говорятъ... А господинъ социалистъ себѣ на умѣ. Носа въ чужое дѣло не суетъ и всѣмъ, за исключеніемъ, можетъ-быть, капиталистическаго строя, совершенно удовлетворенъ... У дирекціи на хорошемъ счету.

Пришли еще гости. Богатый поставщикъ разныхъ товаровъ на рудники Могиланскій; нотариусъ съ женой и двумя дочерьми, которыя внесли въ комнату шелестъ юбокъ и серебряные звуки молодого смѣха; наконецъ пришелъ священникъ.

Василий Ильичъ чувствовалъ себя какъ-то неловко. Онъ не былъ застѣнчивъ и не чуждался общества. Но теперь ему было не до того. Было досадно и совѣстно вести ничего не значащіе разговоры, отвѣчать на обыденные вопросы, занимать дамъ разсказами о петербургской жизни, начинать такимъ образомъ новую жизнь, которая представлялась такой серьезной, тревожной, почти трагичной. Хотѣлось говорить и слышать только о дѣлѣ. Между тѣмъ разговоры велись обо всемъ, кромѣ того дѣла, которое его интересовало. Говорили о выступленіи министра въ Государственной Думѣ, о концертѣ Вяльцевой, обѣщанномъ черезъ недѣлю въ поселкѣ, объ избіеніи пріѣзжаго шуллера въ клубѣ... Обычные разговоры отдыхающихъ людей. Но вѣдь онъ, Василий Ильичъ, не заслужилъ права на отдыхъ, не хотѣлъ его! Онъ жаждалъ поскорѣе окунуться въ трудъ, въ дѣло, въ волненія и невзгоды новой жизни.

— Варвара Александровна! — громко, черезъ всю гостиную, крикнула одна изъ дочерей нотариуса.—Гдѣ же Маруся и Лена?

— Въ самомъ дѣлѣ, Варенька, отчего ихъ нѣтъ? — спохватился Семенъ Дмитріевичъ.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ
 ТОВАРИЩЕСТВА
 ХУДОЖНИКОВЪ
 1912 г.

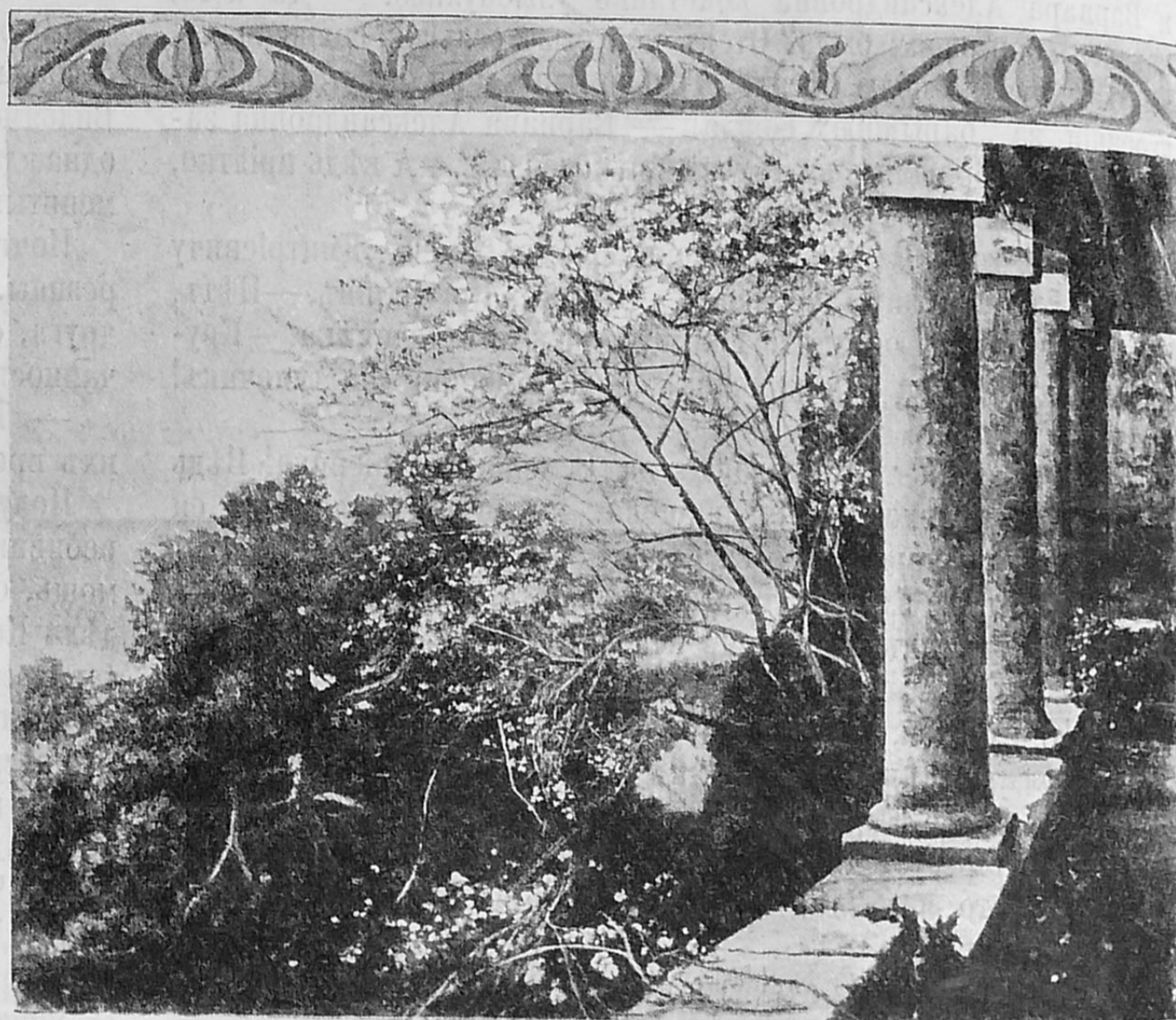
М. Пелевинъ. Соколь въ клѣткѣ.

В. Штемберъ. Портретъ г-жи Г. Н. Эйггорнъ.

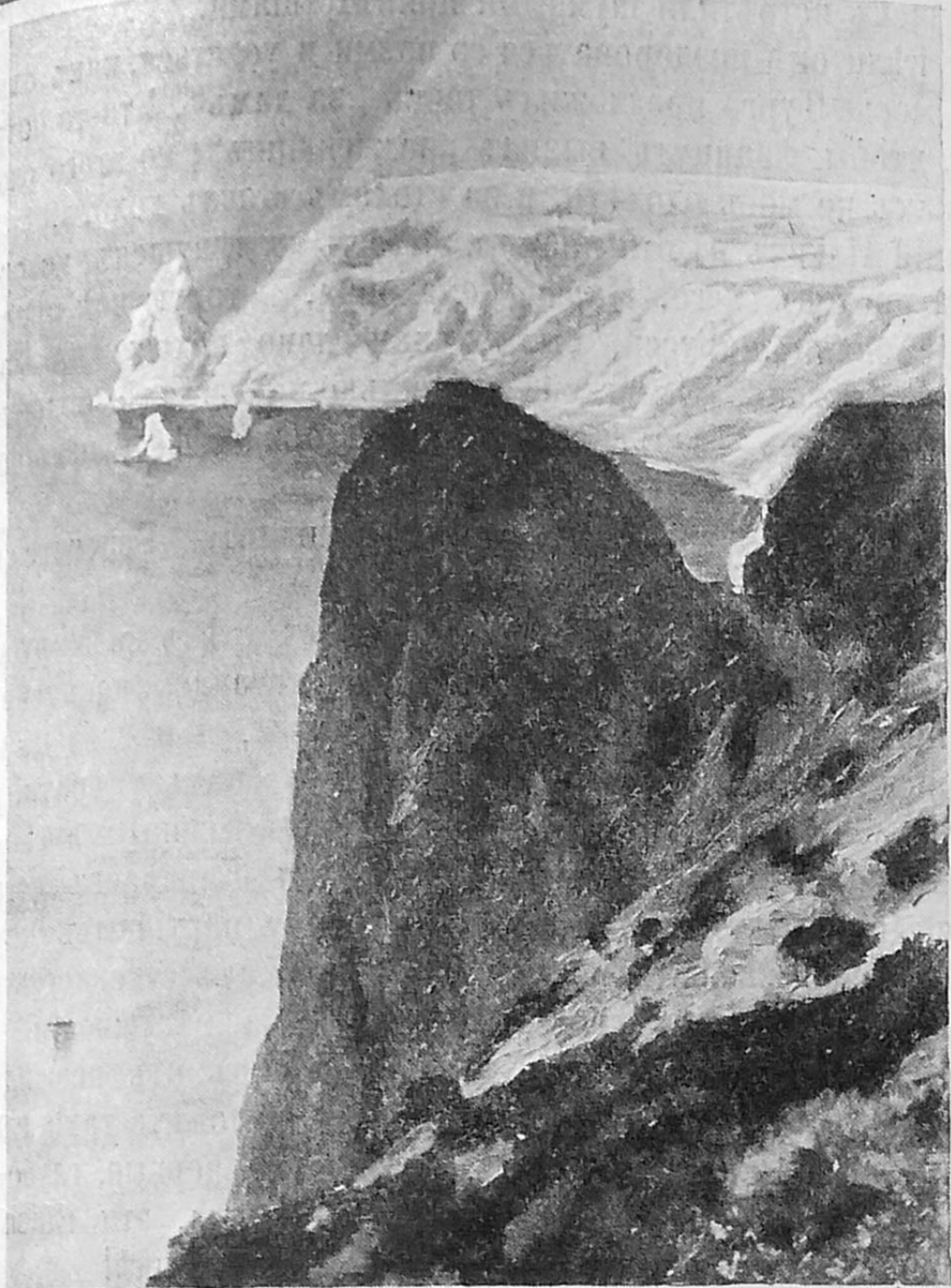
И. Шульцце. Морозный день.

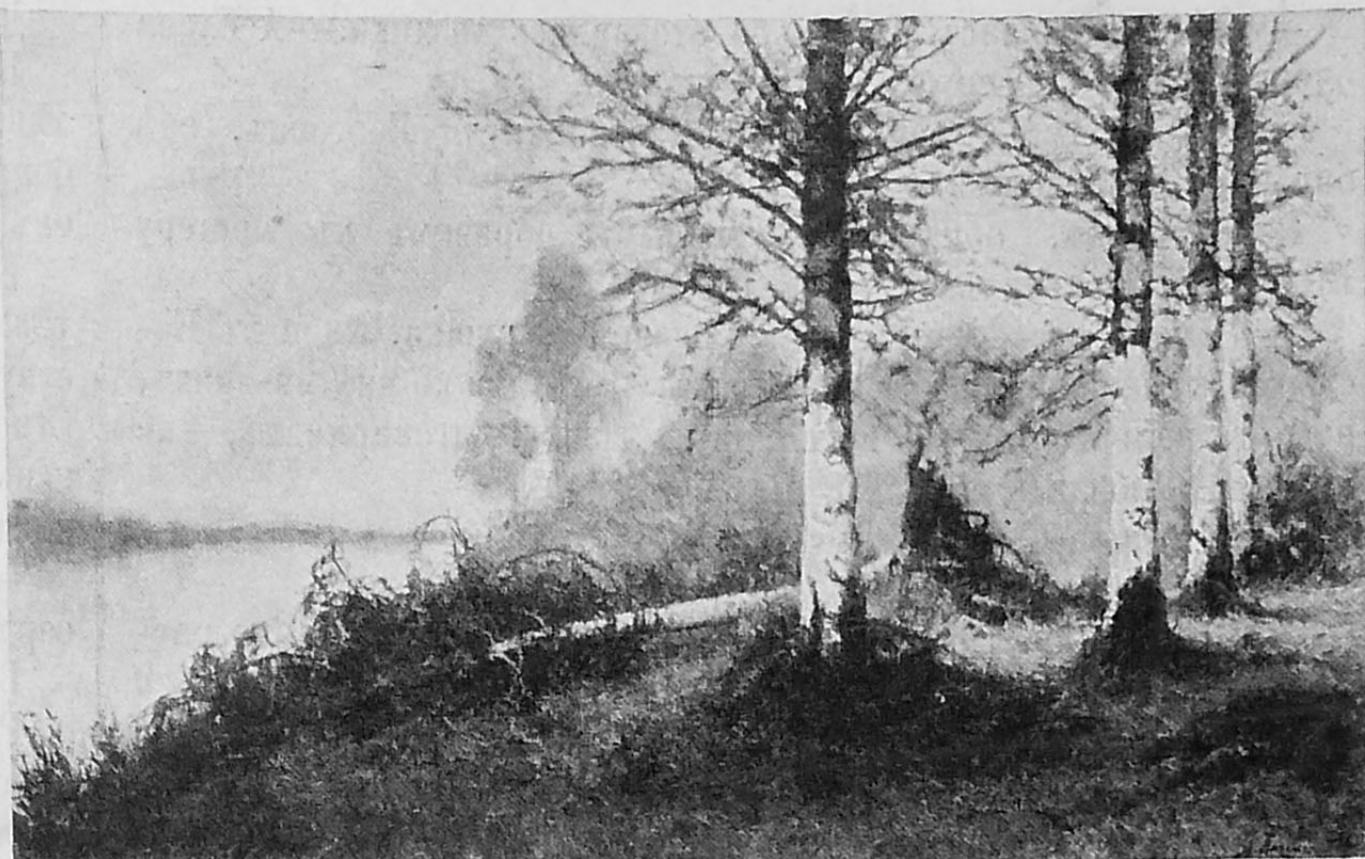
И. Крачковскій. Весна въ Крыму (Массандра).

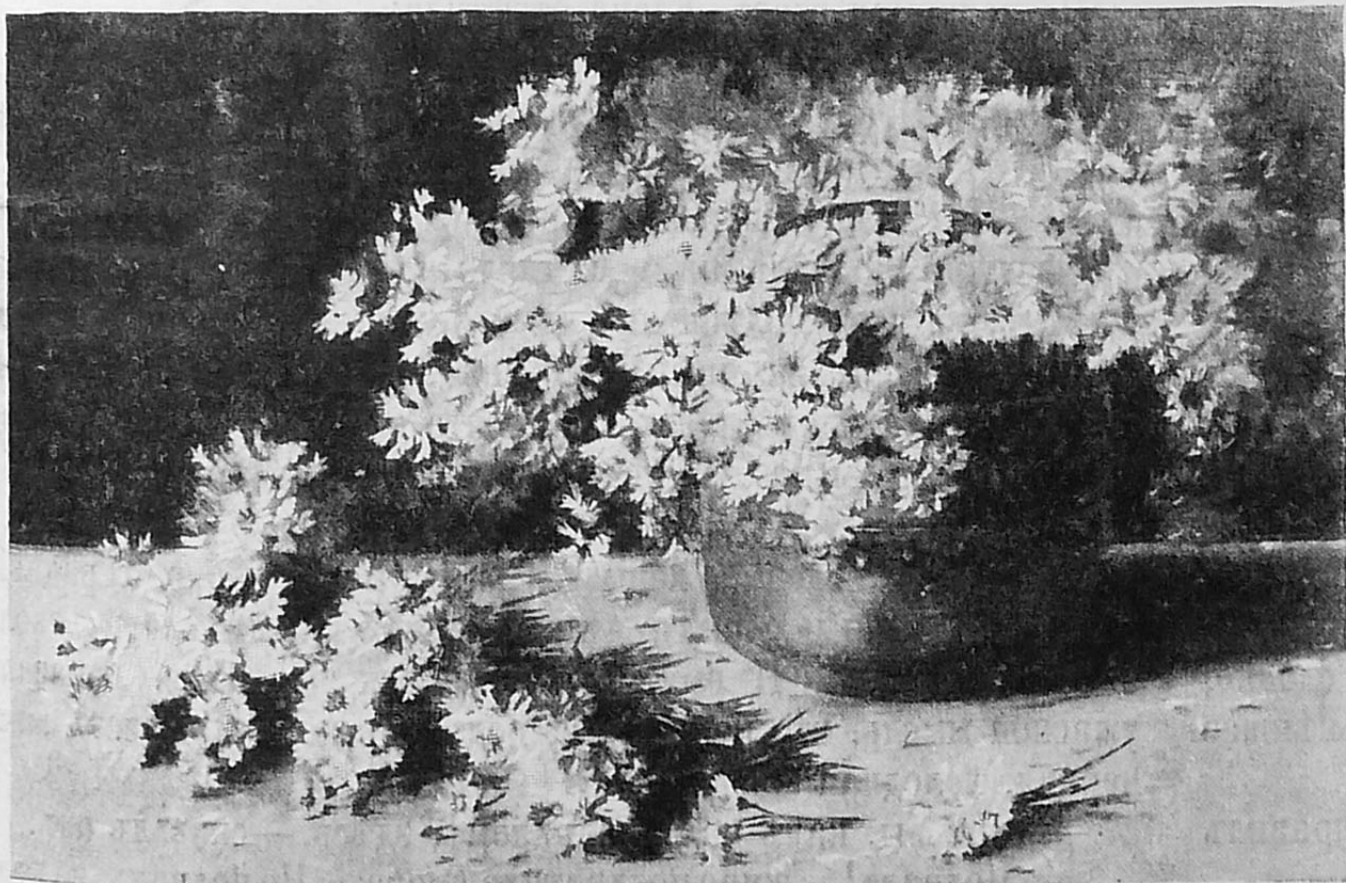
И. Владиміровъ. На посту въ Манчжуріи.

Г. Крачковскій. Восходъ солнца. (Крымъ. Георгіевскій монастырь).

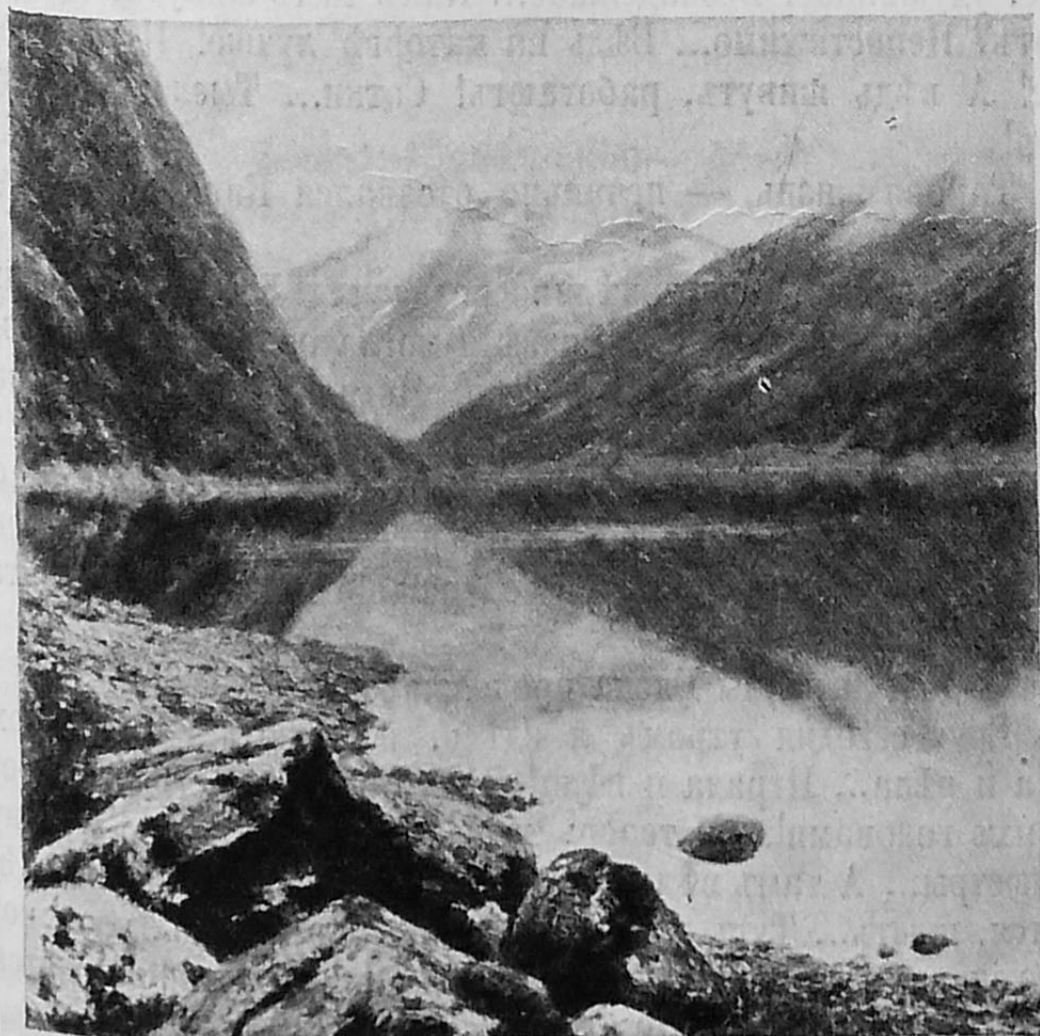
А. Писемскій. Осеннее утро.

Великая Княгиня Викторія Феодоровна. Васильки.

В. Штембергъ. Портретъ дочери художника.

И. Шульце. Проясняется. (Норвегія. Nergö-Fiord).

А. Ганзенъ. Побережье Belle ile.

— Маруся сейчас выйдет, — отозвалась хозяйка. — А Елена очень устала. Она спускалась въ шахту...

— Въ шахту? — одновременно воскликнули Березинъ, обѣ барышни и Заблоцкій.

Ременниковъ, обращаясь главнымъ образомъ къ мистеру Вильямсу, объяснилъ:

— Елена, это — моя сестра, молодая дѣвушка, жила въ Ко-стромѣ, теперь въ Москвѣ на курсахъ. Приѣхала ко мнѣ на-дняхъ, ну и съ перваго дня: въ шахту да въ шахту! Отговаривалъ, — не помогло! Добилась своего!

— Кто же ее повелъ? — спросилъ Заблоцкій.

— Штейгеръ.

— Дуракъ! — рѣзко выпалилъ Заблоцкій и неожиданно расхохотался шумнымъ, здоровымъ смѣхомъ. — Ну, и курсистка! Вотъ что значитъ — эмансипе!

Одна изъ дочерей нотаріуса наклонилась къ Караваеву и, кокетливо прищуривъ глазки, произнесла:

— Ахъ, это такъ интересно — спуститься въ шахту!

Кружилинъ насмѣшливо отозвался:

— Ту же фразу я слышалъ три года тому назадъ.

Барышня сначала смутилась, а потомъ сердито отвѣтила:

— Я не съ вами разговариваю!.. И потомъ здѣсь всѣ, какъ вы, злюки! Просишь въ шахту повести, а они смѣются!..

— А вотъ Елена Дмитриевна захотѣла и — пошла!

Барышня обиженно отвернулась.

Недалеко отъ Караваева сидѣли Ременникова и супруги Березины. Варвара Александровна говорила, разводя руками, словно оправдываясь:

— Знаете, съ Еленой не сладишь... Странная она, чудная! Такъ посмотришь на нее — какъ-будто мягкая, покладистая, а на своемъ постоять!

— Съ характеромъ дѣвица! — воскликнулъ Заблоцкій, и опять его мясистое лицо затряслось отъ смѣха.

Въ разговоръ вмѣшался самъ Ременниковъ. Обращаясь главнымъ образомъ къ мистеру Вильямсу, онъ сказалъ:

— Да, моя сестра оригинальная дѣвушка. Такъ, знаете, все, какъ водится, играетъ хорошо, прямо талантъ... И образованная... Много читала, теперь на курсахъ въ Москвѣ... Только горяча, ахъ, горяча! Экзальтація... ну, прямо до наивности!..

— Эмансипе! — опять вставилъ Заблоцкій.

— Эмансипація женщинъ — вопросъ очень серьезный и отнюдь не смѣшной!

Это произнесъ Березинъ. Всталъ, сказалъ и снова сѣлъ, словно, сдѣлавъ это заявленіе, исполнилъ свой долгъ и за дальнѣйшее снималъ съ себя отвѣтственность.

Мистеръ Вильямсъ провелъ рукой по волосамъ, поправилъ другой рукой галстукъ и среди общаго молчанія изрекъ:

— Русская женщина очень эксцентрична.

— Такъ всегда, — шепнулъ Кружилинъ Василию Ильичу. — Онъ говоритъ только афоризмами.

Разговоры о дѣвушкѣ, спустившейся въ шахту, оживили Василия Ильича. Изъ отрывочныхъ фразъ онъ успѣлъ многое уяснить себѣ. Ему хотѣлось, чтобы разговоръ продолжался. Но въ это время Варвара Александровна пригласила гостей въ столовую.

Кружилинъ внезапно пришелъ въ восторженное состояніе и, обхвативъ Караваева за талію, шепталъ, ведя его къ столу:

— Ну, что? Осмотрѣлись? Суть-то, суть схватили?.. Вотъ Могилянскій смотритъ на васъ. Знаете, о чемъ онъ, шельма, думаетъ? „Этотъ молодой инженеръ, — думаетъ онъ: — взятку не будетъ брать... Ну, и чортъ съ нимъ!.. Все равно товаръ будетъ получать отъ меня, потому что Ременниковъ, Заблоцкій, мосье Турго уже давно свое взяли, старый пьяница Кружилинъ на мой счетъ ужиналъ съ пѣвчихами“...

— Что вы?

— Ахъ, вы, наивный!.. А вы думаете, откуда у Семена Дмитриевича такое великолѣпное вино?.. Впрочемъ, на первый разъ хватить съ васъ! Чего это я ошарашиваю сразу такого милого юношу!

III.

Когда гости уже успѣли выпить и закусить и почувствовали внезапный приливъ бодрости, словоохотливости и остроумія, въ столовую вошли Маруся и Елена.

Дѣвушекъ встрѣтили шумными привѣтствіями.

Не успѣли онѣ поздороваться со всѣми и усѣться, какъ охмѣлѣвшій мосье Турго предложилъ тостъ „за дамъ“. Кто-то потребовалъ, чтобы французъ выпилъ „за женщинъ“; но этого слова онъ никакъ не могъ одолѣть, и за столомъ стоялъ хохотъ.

Василій Ильичъ въ это время смотрѣлъ на дѣвушекъ, которыя усѣлись противъ него. Марья Семеновна, которую всѣ присутствующіе звали Марусей, была удивительно похожа на мать. Стройная, нѣжная, съ мягкой томностью во взглядѣ большихъ ясныхъ голубыхъ глазъ, въ красивой прическѣ и изящномъ платьѣ, она была обаятельна.

— Что? Понравилась? — шепнулъ Кружилинъ. — Берегите свое сердце, юноша!

Василій Ильичъ не отвѣтилъ, но долго смотрѣлъ на Марусю.

Рядомъ съ Марусей Елена Дмитриевна казалась некрасивой, сѣрой, неинтересной. Она была выше Маруси, съ нѣсколько выдающимися скулами и слишкомъ широкимъ, какъ у брата, носомъ. Волосы были завиты вѣнкомъ вокругъ головы и отбѣняли большой и широкой лобъ. Такихъ дѣвушекъ Караваевъ встрѣчалъ въ Петербургѣ среди курсистокъ и въ партійныхъ кружкахъ. Трудовая жизнь, самостоятельность и мужественность натуры словно наложили свой отпечатокъ на наружности. Но когда Елена подняла глаза на Караваева, онъ отъ неожиданности вздрогнулъ. Никакъ нельзя было предположить такіе глаза на этомъ сѣромъ лицѣ блондинки. Огромные, черные, глубокие, полные какого-то почти мистическаго трагизма, эти глаза не могли принадлежать обыкновенной, „сѣрой“ дѣвушкѣ!

— Елена Дмитриевна! — громко началъ Заблоцкій: — ну, какъ въ шахтѣ? Не то, что на Тверскомъ бульварѣ? Темно? Сыро?

Не поднимая глазъ, Елена отвѣтила:

— Сами знаете. Вамъ не впервой!

Василій Ильичъ рѣшился заговорить. Тихо, такъ, что никто, кромѣ Елены, не могъ его слышать, онъ спросилъ:

— Шахта васъ поразила, не такъ ли?

Дѣвушка подняла на него глаза и, встрѣтивъ его серьезный взглядъ, какъ-то болѣзненно улыбнулась. Потомъ тихо сказала:

— Штейгеръ, который велъ меня, говорилъ, что подъ всѣмъ городомъ проходятъ шахты... И что подъ этимъ домомъ, вотъ подъ этимъ самымъ мѣстомъ, тоже идетъ работа... Вѣдь это страшно...

Въ тихомъ голосѣ Елены слышны было глубокое страданіе и какой-то наивный, почти дѣтскій, страхъ. Эти слова взволновали Караваева. И ему, новому здѣсь человѣку, показалась ужасной мысль, что подъ ними, подъ ихъ ногами, течетъ жизнь, черная, холодная жизнь.

— Да. Мы, какъ надъ подваломъ, здѣсь. — сказалъ онъ.

— Подваль! — живо подхватила Елена. — Не подваль, не подземелье!.. Адъ! Преисподняя!.. Черное, черное... Липкое, фдкое, холодное, удушливое! Безнадежное... Какъ тамъ живутъ? Какъ работаютъ? Непостижимо... Вѣдь на каторгѣ лучше! И въ тюрьмѣ лучше! А вѣдь живутъ, работаютъ! Сотни... Тысячи... Десятки тысячъ!

— Такова жизнь, — печально отозвался Караваевъ: — для хлѣба все!

— Ахъ, знаю! — нетерпѣливо возразила Елена. — Но такое черное! Такое безнадежное! Развѣ я могла подумать?.. Ужасъ!

За столомъ было шумно и весело. Могилянскій рассказывалъ анекдотъ про солдата, объясняющаго своимъ товарищамъ, что такое шахта. Кружилинъ дразнилъ Марусю, утверждая, что она не рѣшится спуститься въ шахту. Госпожа Березина восторженно передавала дочерямъ нотаріуса содержаніе только-что прочитанной повѣсти...

Послѣ долгой паузы Елена продолжала:

— Еще сегодня утромъ я здѣсь, въ этомъ самомъ домѣ, играла и пѣла... Играла и пѣла! Вѣдь подумать, страхъ беретъ надъ ихъ головами!.. И теперь тоже! Тутъ свѣтло... электрическія люстры... А тамъ вѣдь и теперь работаютъ! И весело здѣсь, смѣются, пьютъ... Тутъ ночь, какъ день... тамъ день, какъ ночь! Надъ головами живыхъ людей другіе люди беззаботно веселятся... И никому не страшно... Не стыдно...

Случилось такъ, что разговоръ за столомъ прекратился, и всѣ слушали Елену. Должно-быть, услыхалъ одинъ и обратилъ общее

вниманіе на нее. Ни Елена ни Караваевъ не замѣтили этого сразу. Только окончивъ, Елена невольно оглянулась, замѣтила, что всѣ взгляды устремлены на нее, и насупилась, угрюмо углубилась въ тарелку.

— Сентиментально!—выпалилъ Заблоцкій среди общаго молчанія.—Значитъ, по-вашему, многоуважаемая Елена Дмитриевна, намъ здѣсь, наверху, не надо ни ѣсть, ни пить, ни любить, ни смѣяться? Посыпать пепломъ главу и плакать? Или, можетъ-быть, многоуважаемая Елена Дмитриевна, всѣмъ намъ переселиться въ шахту? А? Приказывайте!

Но Елена не отвѣтила.

Заговорилъ Ременниковъ:

— Ты, Леночка, преувеличиваешь. Это съ непривычки. Вотъ поживешь здѣсь, сама убѣдишься. Конечно, въ шахтѣ темно, сыро, удушливо. Опасно тоже. Много увѣчій, несчастныхъ случаевъ. Все это такъ... Но люди уживаются. Шахтеры вовсе не такъ несчастны, какъ ты представляешь себѣ! Ты ихъ сама разспроси. Они даже довольны своей жизнью и тоже смѣются, веселятся, пьютъ... Вообще надо смотрѣть на вещи проще. Надо считаться съ жизнью!

Елена опять не отвѣтила, угрюмо сидѣла, опустивъ глаза, и какъ-будто даже не слыхала обращенныхъ къ ней словъ.

— А какъ на войнѣ?—вмѣшался Могилянскій.—Вотъ я былъ на войнѣ...

— Поставщикомъ?—ехидно вставилъ Кружилинъ.

— Вотъ я видѣлъ, какъ живутъ люди на войнѣ,—продолжалъ Могилянскій, сдѣлавъ видъ, что не слышалъ замѣчанія Кружилина.—Тутъ гранаты, пули, а между тѣмъ собираются въ группы, пьютъ вино, играютъ въ карты... Анекдоты рассказываютъ... Я цѣлую коллекцію анекдотовъ привезъ съ Дальняго Востока!.. Это на войнѣ!.. А мадемуазель удивляется, что мы здѣсь забываемъ о шахтѣ!..

— Хватили однако!—возразилъ Кружилинъ.—Вѣдь на войнѣ и тѣ, что веселятся, подъ пулями сидятъ! Отъ тоски пьютъ!.. А мы то съ вами, небось, не подъ огнемъ!

Елена взглянула на Кружилина и снова опустила глаза.

Впервые за весь вечеръ заговорилъ докторъ Кацъ. Что-то жуя и какъ-будто куда-то торопясь, у него всегда былъ видъ торопшагося человѣка, онъ произносилъ слова скороговоркой, какъ-будто считалъ самый актъ говоренія пустымъ, нестѣющимъ дѣломъ.

— Стыдно? Страшно?.. Слова! Словъ можно сказать сто, тысячу, миллионъ! И ничто не измѣнится! У насъ будетъ ночью свѣтъ, у нихъ днемъ—тьма! Подумаешь, „надъ головами“! А надъ нашими головами никто не ходитъ? Такая ужъ жизнь... многоэтажная!.. Тутъ слова ни къ чему! Дайте дѣло! Путь укажите, и я вамъ, сударыня, въ ножки поклонюсь! А если пути у васъ нѣтъ, то я спрашиваю, на что мнѣ ваши слова? Ваше негодованіе? Ваши упреки? На что мнѣ слова? А?

— Правильно!—отозвался мистеръ Вильямсъ.—Напередъ дѣло, потомъ слова. А русскій человѣкъ любитъ напередъ слова, а дѣло никогда!

— Докторъ!—крикнулъ Заблоцкій:—отчего же вы не спросили у Елены Дмитриевны? Можетъ-быть, она и путь знаетъ? Просвѣтите насъ, многоуважаемая Елена Дмитриевна!

Елена не отозвалась и на этотъ разъ. Вмѣсто нея отвѣтила Маруся. Вспыхнувъ, она рѣзко бросила Заблоцкому:

— Чего вы пристали? Вамъ все смѣшно!

— Позвольте, Маруся, я вовсе не смѣюсь!—не унимался Заблоцкій.—Почему бы Еленѣ Дмитриевнѣ не знать пути? Вѣдь въ Москвѣ на курсахъ давно рѣшенъ соціальный вопросъ!

— Замолчите, прошу васъ!—воскликнула Маруся.

Она поблѣднѣла, а въ глазахъ вспыхнулъ огонекъ негодованія и раздраженія, и отъ этого она стала еще прекраснѣй. Караваевъ поймалъ себя на томъ, что отвлекся отъ этого волнующаго его спора и думаетъ о ея красотѣ.

А Заблоцкій, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ:

— А если, паче чаянія, Елена Дмитриевна не знаетъ, такъ вы спросите у коллеги Березина. Онъ вамъ скажетъ—коллективизмъ! Онъ въ книжкахъ вычиталъ! А неприятныя работы, какъ, напимѣръ, работа углекоповъ, въ будущемъ государствѣ будутъ производиться по очереди... Своего рода всеобщая шахтерская

повинность... Ловко, а? Соблазнительная перспектива, мистеръ Вильямсъ?..

— Это чортъ знаетъ, что такое!—проворчалъ Березинъ.

А мистеръ Вильямсъ изрекъ:

— Русскій человѣкъ любитъ говорить о несбыточномъ!

— А карась любитъ жариться въ сметанѣ!—ѣдко вставилъ Кружилинъ.

Но умная Варвара Александровна, не давъ распространиться настроенію неловкости, произнесла въ тонъ мистеру Вильямсу и Кружилину:

— А мороженое любитъ быть съѣденнымъ скоро!

— Bravo, очаровательная хозяйка!—крикнулъ Заблоцкій.

Разговоры затихли, и гости усердно принялись за мороженое.

IV.

Послѣ ужина перешли въ гостиную.

Раздѣлились на группы. Мужчины почти всѣ усѣлись за зеленые столики. Кружилинъ куда-то исчезъ. Дамы устроили игру въ лото.

— Вы къ намъ не присоединитесь?—обратилась къ Караваеву Варвара Александровна, замѣтивъ, что онъ за карты не сѣлъ.

Василій Ильичъ находился въ затруднительномъ положеніи. Играть не хотѣлось, да онъ и не умѣлъ играть ни въ одну изъ игръ, принятыхъ въ обществѣ. Но и торчать такъ, безъ мѣста и безъ дѣла, было неловко, хотя больше всего ему хотѣлось теперь сѣсть въ уголь и собрать воедино впечатлѣніе сегодняшняго дня и свои мысли.

Варвара Александровна сама вывела его изъ затрудненія.

— Впрочемъ,—сказала она:—если вы не любите лото, то извольте поухаживать за моей belle soeur. Лена тоже не играетъ.

Вышло лучше, чѣмъ Караваевъ могъ ожидать. Сестра Ременникова, эта таинственная дѣвушка, произвела на него глубокое впечатлѣніе. При этомъ онъ чувствовалъ, что къ нему, единственному изъ присутствующихъ здѣсь, она относится съ довѣріемъ. Это сказалося во время ихъ бесѣды за столомъ, а особенно потомъ, когда они молчали, а говорили другіе. Такъ же, какъ она, онъ ни единымъ словомъ не участвовалъ въ спорѣ, хотя не разъ кровь бросалась въ голову, и хотѣлось наговорить кучу дерзостей Заблоцкому и другимъ; не участвовалъ потому, что такъ же, какъ она, чувствовалъ себя чужимъ и зналъ, что ихъ не убѣдишь... Но въ этомъ молчаніи было такое ощущеніе, что онъ не одинокъ, что рядомъ съ нимъ сидитъ такой же „чужой“ и своей отчужденностью къ нимъ близкій ему.

Теперь Елена сидѣла у окна и смотрѣла на залитое заревомъ небо.

Василій Ильичъ подошелъ къ ней.

— Я вамъ не помѣшаю, если сяду здѣсь?—произнесъ онъ, не зная, какъ начать.

— Садитесь!

Въ окно смотрѣло розовое, моментами вспыхивающее, моментами блѣднѣющее небо.

Съ карточныхъ столовъ доносились къ нимъ отрывочныя восклицанія игроковъ...

— Вы надолго сюда пріѣхали, Елена Дмитриевна?—тихо спросилъ Караваевъ.

— Не знаю. Я, можетъ-быть, останусь здѣсь.

— Зачѣмъ?

Елена не отвѣтила. Потомъ отвернулась отъ окна, посмотрѣла на Караваева своимъ страннымъ, почти пронзительнымъ, какъ-будто кричащимъ въ душу, взглядомъ и начала спрашивать его быстро, дѣловито:

— Какъ васъ зовутъ?

— Василій Ильичъ Караваевъ.

— Вы здѣсь недавно?

— Съ сегодняшняго дня.

— На службѣ?

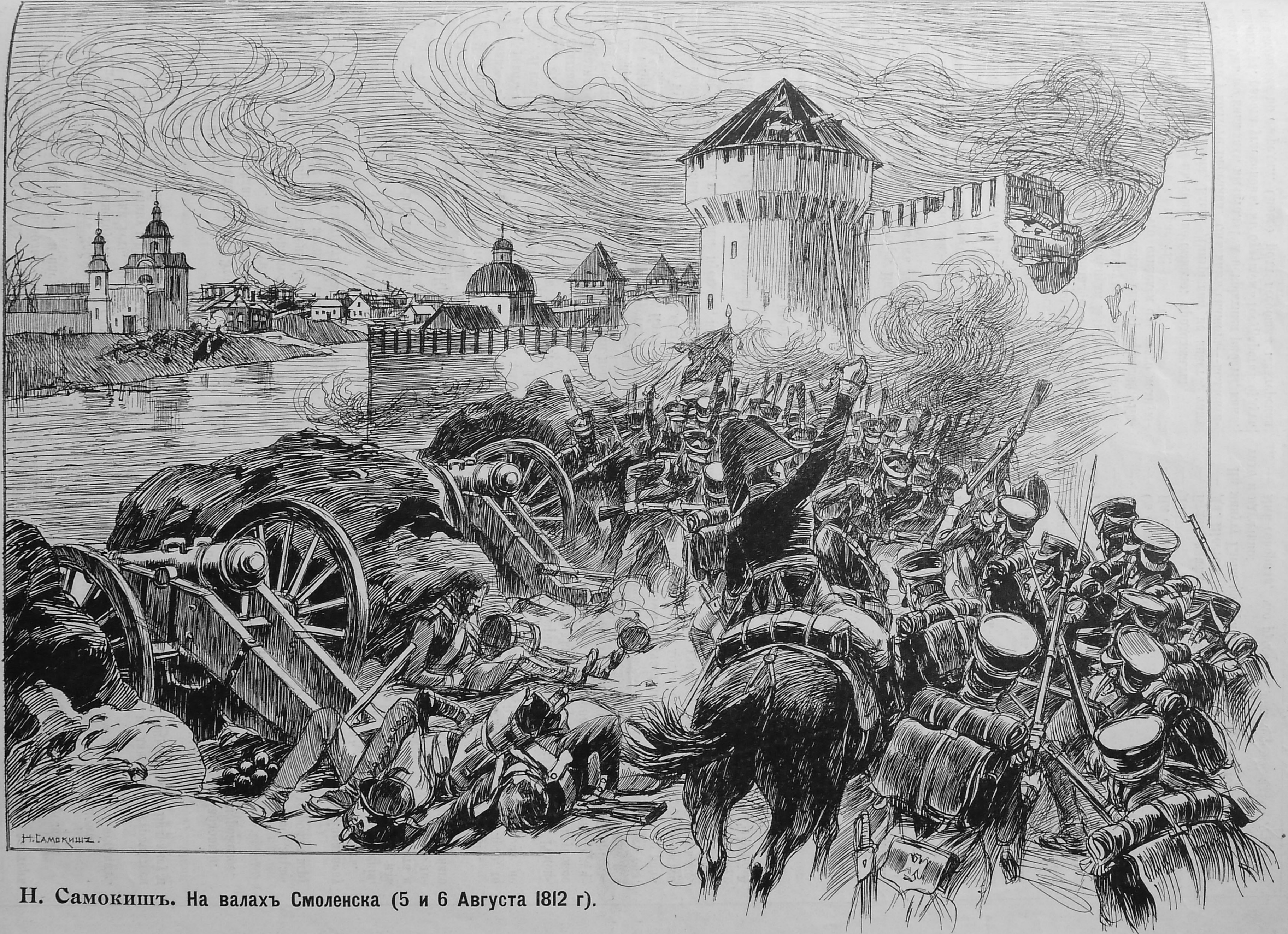
— Да.

— Будете завѣдывать шахтой?

— Да. Шестой.

На минуту Елена прекратила свой допросъ, потомъ заговорила тихо и вдумчиво:

— Мнѣ говорили, что русскихъ инженеровъ здѣсь держатъ

Н. Самокишъ. На валахъ Смоленска (5 и 6 Августа 1812 г.).

только такъ, для видимости, потому что законъ требуетъ... А распоряжаются всеѣмъ иностранцы, хозяева рудника...

— Я еще ничего не знаю, — отвѣтилъ Караваевъ. — Но я во всякомъ случаѣ не примирюсь съ ролью подставного лица.

— Вы будете сами спускаться въ шахту? Слѣдить за работой?

— Ну, конечно!

— А вѣдь они этого не дѣлаютъ... У нихъ все дѣлаютъ штейгеры... А съ шахтерами вы сблизились?

— Я къ этому стремлюсь.

— Вы думаете, что это возможно?

— Я ничего не знаю. Но это первая моя задача.

Елена задумалась. Василий Ильичъ не прерывалъ молчанія.

— Это такъ ужасно! — тихо начала Елена, и ея глубокіе глаза опять вспыхнули пугающимъ и волнующимъ огонькомъ. — Я видѣла такіе низкіе, низкіе проходы... Люди работаютъ, стоя на колѣняхъ, изъ галлерей въ другую пробираются на четверенькахъ... Въ одномъ мѣстѣ лежа на спинѣ работаютъ... И такіе они черные, какъ сама шахта... А глаза блестятъ...

Внезапно Елена схватила Караваева за руку и испуганнымъ шопотомъ произнесла:

— Это — морлоки...

— Кто? — переспросилъ Василий Ильичъ.

— Морлоки... Это я недавно книгу такую читала... англійскаго писателя... фантастическое путешествіе въ далекое будущее человѣчества. Странная книга... Представляется, что человѣчество раздѣлилось на два разныхъ вида существъ: надземныхъ — „эловъ“ и подземныхъ — „морлоковъ“... Элоп — беззаботные, красивые и боятся тьмы. Морлоки — чудовищно-безобразные, злые и боятся свѣта. Морлоки работаютъ на эловъ, но зато ѣдятъ ихъ...

— Дикая фантазія! — горячо произнесъ Василий Ильичъ. — Человѣчество идетъ къ равенству и слиянію, а не къ раздѣленію! Это какой-то бредъ, оскорбительный и злобный... клевета на будущее! Поруганіе самаго святого, что живетъ въ насъ — мечты о всеобщемъ счастьѣ!

Елена вдрогнула:

— Ахъ, мечта! Что мнѣ въ этой мечтѣ, когда, пока нельзя жить, дышать нельзя... отъ ужаса... отъ стыда!.. — И, закрывъ руками лицо, она продолжала: — Морлоки!.. На меня эта книга не произвела большого впечатлѣнія, когда я читала ее... я даже думала, что забыла ее, — вѣдь я такъ много прочла съ тѣхъ поръ... А сегодня вдругъ... Вотъ сейчасъ только, когда я съ вами разговаривала, вся эта картина встала впереди глазами, словно я сама ее видѣла... Знаете, тамъ, въ шахтѣ, когда я смотрѣла на шахтеровъ и встрѣчала ихъ злобный взглядъ, у меня было такое ощущеніе, будто я уже разъ видѣла и испытала... Теперь я поняла... Это — морлоки!

Въ это время въ гостиной послышались шумъ и движеніе. Одна изъ дочерей нотариуса выиграла партію въ лото и отъ радости захопала въ ладоши, захохотала, наполнила шумомъ весь домъ.

Но еще не удовлетворившись этимъ, она подбѣжала къ Еленѣ и Караваеву, чтобы повѣдать имъ свою удачу.

— Понимаете? — вся разгорѣвшись, рассказывала она. — У меня всѣ числа покрыты, нехватаетъ только „22“... Я сижу и шепчу: двадцать два, двадцать два... И вдругъ...

— Это не интересно! — рѣзко оборвала ее Елена. — Какъ вамъ не стыдно! Вѣдь вы не дѣвочка!

Барышня смутилась, сдѣлала обиженную физиономію и собиралась уйти, но почему-то раздумала и сѣла противъ Караваева.

— Вы вмѣсто Скулыгина? — спросила она, обращаясь къ нему.

— Кажется. Я на шестой шахтѣ, — отвѣтилъ Караваевъ.

— Ну, да. Значитъ, вмѣсто него... А его тоже звали Василий Ильичъ!.. Онъ такой былъ интересный... Бѣдняжка!

— А что такое? — спросилъ Василий Ильичъ.

— Какъ? Вы развѣ не знаете? Это такой ужасный случай! Онъ спускался въ шахту, клѣтъ оборвалась... Вы, Василий Ильичъ, будьте осторожныѣе и остерегайтесь шахтеровъ.

— Почему же?

— Ахъ, вѣдь это настоящіе звѣри! Вѣдь это они канатъ подрѣзали, когда Скулыгинъ спускался... Такъ все говорятъ!

Елена поднялась, подошла всеѣмъ близко къ Василию Ильичу и, сверкнувъ въ его глаза полнымъ отчаяніемъ, процѣдила сквозь зубы:

— Морлоки!

И, сказавъ это, она куда-то торопливо ушла.

— Странная эта Елена! — заговорила барышня, обращаясь къ Василию Ильичу. — Говорятъ, что она не всеѣмъ нормальная... Вы не находите?

Но Василий Ильичъ ничего не отвѣтилъ.

V.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ Караваевъ почти безвыѣздно жилъ при шахтѣ.

Штейгеръ Борисъ Петровичъ, человѣкъ угрюмый и молчаливый, выказывалъ явное недовольство молодымъ инженеромъ. До него онъ былъ полнымъ хозяиномъ, а теперь всеѣмъ до мелочей распорядился Василий Ильичъ. Это обижало штейгера, раздражало его. Въ видѣ протеста онъ безъ приказанія ничего не дѣлалъ, такъ что Караваевъ теперь долженъ былъ обо всемъ помнить, за всеѣмъ слѣдить. Иногда ему хотѣлось разсѣяться, съѣздить въ городъ, побывать у Ременниковыхъ, но онъ не могъ отлучиться, не полагаясь больше на штейгера.

Улучшилось ли что-нибудь въ жизни шахты отъ того, что Караваевъ отдалъ ей все свое время, все свои помыслы, — объ этомъ онъ не разъ задумывался. Но рѣшить этотъ вопросъ было не легко. Шахтеры относились безразлично къ тому, кто управляетъ работой и кто распоряжается ими, штейгеръ или инженеръ. Это безразличіе было такое холодное и тупое, что Караваева временами охватывало отчаяніе.

За это время Василий Ильичъ присмотрѣлся къ углекопамъ.

Казалось, это — особая порода людей. Между тѣмъ это были обыкновенные русскіе мужики. Робкіе, тихіе, пришибленные, стекались они съ разныхъ концовъ Россіи. Здѣсь были бѣлоруссы изъ Витебской и Могилевской губерній, черниговскіе и харьковскіе „хохлы“, смоленскіе и калужскіе „кацаны“. Даже на далекой сѣверъ — въ Вологодскую и Архангельскую губерніи — дошли слухи объ обильныхъ заработкахъ въ южныхъ каменноугольныхъ коняхъ, и оттуда пригнала нужда рослыхъ, худощавыхъ и скуластыхъ людей. Съ разныхъ концовъ Россіи привезли они сюда свои нравы, свой разнообразный говоръ, свои пѣсни, свою вѣру.

Но, вступивъ на эту землю, они все теряли.

Здѣсь не было бѣлоруссовъ и малороссовъ, южанъ и сѣверянъ, какъ не было блѣднлицыхъ и смуглыхъ. Все были черные. Все были „шахтеры“. Одно лицо, одинъ языкъ, одни нравы, однѣ пѣсни. Угольной пылью, вѣдающей въ кожу, быстро окрашивались лица и все тѣло вновь прибывшихъ. Черная тьма подземныхъ галлерей придавала общій воспаленный блескъ всеѣмъ взглядамъ, и оттого не было здѣсь сѣрыхъ, карихъ, синихъ или черныхъ глазъ, а были только „шахтерскіе“ глаза, блестящіе подземнымъ блескомъ на одинаково запыленныхъ лицахъ. Изъ десятковъ рѣчей создавалось одно нарѣчіе — „шахтерское“, отобравшее изъ всеѣхъ говоровъ самыя рѣзкія, злобныя и безстыдныя слова. И даже женщины и дѣти, которыя вслѣдъ за работниками съѣхались сюда изъ разныхъ мѣстъ, потеряли свое лицо, колоритъ родной губерніи, слились въ одну сѣрую, однообразную массу.

Когда они работали, эти люди подземнаго племени, они были угрюмые, серьезные и жадные. Расцѣпка, почти вездѣ подѣльная, подзадаривала ихъ жадность. Въ душливой атмосферѣ шахты, гдѣ человѣку въ теченіе часа дѣлалось тошно до дурноты, они работали двѣнадцать часовъ непрерывно, а когда приходила смѣна, казалось, съ сожалѣніемъ бросали работу, и были между ними такіе, которые не выходили изъ шахты по нѣсколькимъ дней. На самыя опасныя работы, которыя оплачивались выше обыкновенныхъ, но гдѣ жизнь работника висѣла на волоскѣ, они шли охотно, и не было отбоя отъ ждущихъ очереди на такія работы. Такъ велика, такъ слѣпа была ихъ жадность, когда они работали.

Когда они отдыхали, эти люди подземнаго племени, они были шумливы, жестоки и расточительны. Въ городѣ, куда со всеѣхъ окрестныхъ рудниковъ стекались рабочіе въ дни отдыха, этихъ дней боялись и въ то же время съ нетерпѣніемъ ждали. Трепетали передъ жестокостью и озлобленностью вышедшихъ на поверхность жителей подземелья и въ то же время предвкушали выгоды ихъ безумной расточительности. То, что жадно копилось

въ темнотѣ катакомбъ, то, что добывалось съ такимъ трудомъ, щедрой рукой разбрасывалось во все стороны, какъ лишнее, ничего не стоящее. Можетъ-быть, солнце ослѣпляло привыкшихъ къ тьмѣ, или свѣжій воздухъ вселялъ безуміе въ груди, привыкшія вдыхать копоть и смрадъ, — иначе нельзя было этого понять. Все двери открывались передъ ними въ городкѣ, и если бы вздумали одну дверь закрыть, они со злобнымъ хохотомъ выломали бы ее. И богатѣющіе отъ ихъ расточительности кушцы нигдѣ не могли отдѣлаться отъ нихъ: въ партерѣ театра, въ „дворянскомъ“ отдѣленіи трактира, въ вагонѣ второго класса—вездѣ былъ отдыхающій шахтеръ, шумный, увѣренный, жестокой; рабъ жизни, ставшій хозяиномъ ея

Въ казармахъ и хижинахъ, гдѣ жили семьи рабочихъ, царили пьянство, грязь, развратъ и не знающая предѣла жестокость. Ни въ мужчинахъ ни въ женщинахъ и дѣтяхъ не было смиренія, добродушія, даже вѣры—все это они оставили въ далекой родной деревнѣ. Здѣсь ругались съ невѣроятнымъ цинизмомъ, истязали женщинъ и дѣтей съ злодѣйской безпощадностью, расправлялись другъ съ другомъ за обиду ножами и топорами. И темнѣе, безотраднѣе здѣсь было, чѣмъ въ шахтѣ.

Становилось страшно за людей, которые не знали любви, а только ненависть. Ненавидѣли шахту за то, что она темна и сыра; ненавидѣли солнце за то, что оно свѣтитъ не для нихъ. Тѣхъ, кто сильнѣе ихъ, ненавидѣли за силу; кто слабѣе — за слабость. Ненавидѣли бѣдность и богатство; трудъ и бездѣлье; смерть—за то, что она стерегла ихъ на каждомъ шагу; жизнь—за то, что она была страшнѣе смерти; ненавидѣли себя, свои семьи и товарищей; ненавидѣли человѣка и, кажется, Самого Бога.

И не разъ вспоминались Василию Ильичу „морлоки“, о которыхъ говорила въ первый вечеръ его пребыванія здѣсь Елена... „Гдѣ она? Что съ ней?“—думалъ часто Караваевъ. Онъ не зналъ даже, уѣхала ли она, или осталась здѣсь, и этотъ вопросъ такъ занималъ его, что онъ рѣшился съѣздить къ Ременникову.

Но въ тотъ день, когда онъ собрался туда, Елена пріѣхала къ нему

Василій Ильичъ встрѣтилъ ее радостно, какъ друга, котораго ждалъ давно. Но Елена, сухая, молчаливая, сосредоточенная и порывистая, почти не отвѣчая на его привѣтствія, спросила:

— Ну, что? Какъ? Что сдѣлали?—Спросила такъ, какъ-будто затѣмъ и пріѣхала, чтобы потребовать у него отчета.

— Ничего у меня!.. Плохо!—отвѣтилъ Василій Ильичъ.

Елена сѣла, обхватила руками голову и послѣ долгаго молчанія почти простонала:

— Нельзя жить!.. Жить нельзя!..

Потомъ встала, подошла къ Караваеву, схватила его за руку и, блеснувъ лихорадочнымъ огнемъ своихъ глазъ, произнесла твердо:

— Одинъ есть отвѣтъ!

— Какой?—тихо спросилъ Караваевъ.

— Надо разрушить!.. Все разрушить, вы слышите?..

— Елена Дмитриевна!..—началъ Василій Ильичъ.

Но Елена не дала ему говорить.

— Вѣдь нельзя жить! Вѣдь стыдно жить! — продолжала она. — Вѣдь это правда объ элояхъ и морлокахъ... Вѣдь жизнь къ тому ведетъ... Зачѣмъ же? Надо сызнава начать! Новую жизнь надо начать!.. И, чтобы начать, надо со старымъ покончить... Все надо разрушить!

Караваевъ возражалъ. Не о разрушеніи надо говорить, а о созиданіи. Наивно думать, что человѣкъ по своей волѣ можетъ уничтожить тысячелѣтнюю культуру и „начать сызнава“! Къ новой жизни человѣчество идетъ шагъ за шагомъ, и надо работать въ томъ направленіи, которое указываетъ сама жизнь...

Еще что-то говорилъ Караваевъ, но вдругъ осѣкся, замолчалъ, почувствовалъ, что слова его звучатъ неубѣдительно...

Елена ничего не сказала и уѣхала.

Опять остался одинъ Василій Ильичъ. И опять попрежнему потекла его жизнь, трудовая, но—безцѣльная.

Надо начать! — каждый день говорилъ себѣ Караваевъ.

Но какъ начать? Какъ заговорить съ угрюмыми людьми подземнаго племени? Что онъ имъ скажетъ? Что они „рабы капитала“, что своимъ трудомъ они обогащаютъ другихъ — это они безъ него знаютъ. Болѣе того. Они и его, Караваева, считаютъ однимъ изъ этихъ чужихъ, обладающихъ таинственной силой людей, которые загнали ихъ, сильныхъ и злобныхъ, въ подземелье. И они правы! Вѣдь онъ служить не имъ, а тѣмъ, ихъ хозяевамъ!.. А если бы они не знали истины, то что онъ далъ бы имъ, открывъ ее, кромѣ новой боли, новой ненависти?.. Говорить имъ о солидарности трудящихся, о будущемъ царствѣ труда? Они не поймутъ его, они со злобнымъ хохотомъ отвергнутъ его мечту, потому что имъ, лишеннымъ воздуха и свѣта, должно быть ненавистно это счастье будущихъ поколѣній!

Василій Ильичъ пробовалъ бороться за этихъ людей безъ ихъ участія. Не объ этомъ, конечно, онъ мечталъ, фьдучи сюда, и не это онъ считалъ дѣломъ своей жизни. Но, чтобы успокоить ноющую совѣсть, надо было что-нибудь дѣлать, хоть это маленькое дѣло „заступника за слабыхъ“. Бороться однако приходилось съ жестокой и безжалостной природой и съ не менѣе жестокими и безжалостными людьми. Иностранная компанія, для которой важнѣе всего было поскорѣе высосать изъ земли ея богатства, дѣлала для защиты отъ взрывовъ и обваловъ только то, безъ чего нельзя было работать. Все требованія Василя Ильича оставались безъ отвѣта. И въ его шахтѣ было, какъ въ другихъ шахтахъ.

А работа шла, большая, сложная, засасывающая и порабощающая. Тысячи мелочей, какъ паутина, опутывали умъ и душу.

И уже были моменты, когда, стоя у „ствола“ и наблюдая за поднимающимися вагонетками, Василій Ильичъ забывалъ о невидимыхъ людяхъ. Получалось такое впечатлѣніе, что земля сама выплевываетъ свои богатства. И, отдавая распоряженія, Караваевъ чувствовалъ себя распорядителемъ и управителемъ огромнаго механизма, въ которомъ вагонетки, тачки, лошади, каваты, люди, паровая машина были частицами одинаковаго значенія. Человѣка убило — первая мысль: замѣнить! Аппаратъ долженъ быть въ исправности!

И, ловя себя на этихъ мысляхъ и настроеніяхъ, Василій Ильичъ ненавидѣлъ себя.

Бѣжать, бѣжать! пока не поздно! Пока живъ еще голосъ совѣсти, пока не порваны еще золотыя нити мечтаній, пока не потеряны еще остатки воли! Стыдно отступить, но еще страшнѣе—сдаться! Жизнь широка, велика. На другомъ поприщѣ, въ другомъ уголку русской жизни найдетъ онъ приложеніе для своихъ силъ!

Но Караваевъ не бѣжалъ.

Странное, почти неуловимое, ощущеніе удерживало его, какое-то таинственное предчувствіе чего-то неожиданнаго и значительнаго, что непременно придетъ и все измѣнитъ. Ощущеніе непонятное и внезапно возникающее гдѣ-то въ тайникахъ души въ минуты самаго глубокаго отчаянія. И чуть выплывало это таинственное предчувствіе—исчезало отчаяніе. Бодрая энергія всеялась въ душу, все казалось легкимъ, доступнымъ. Сердце замирало въ трепетномъ чаяніи надвигающейся радости.

Откуда шла она? Изъ лучистыхъ видѣній молодой фантазіи или отъ весны,—отъ наивной и звонкой, какъ смѣхъ ребенка, весны, которая и въ пыльное и дымное царство угля вносила порывы, бодрость и вѣру?

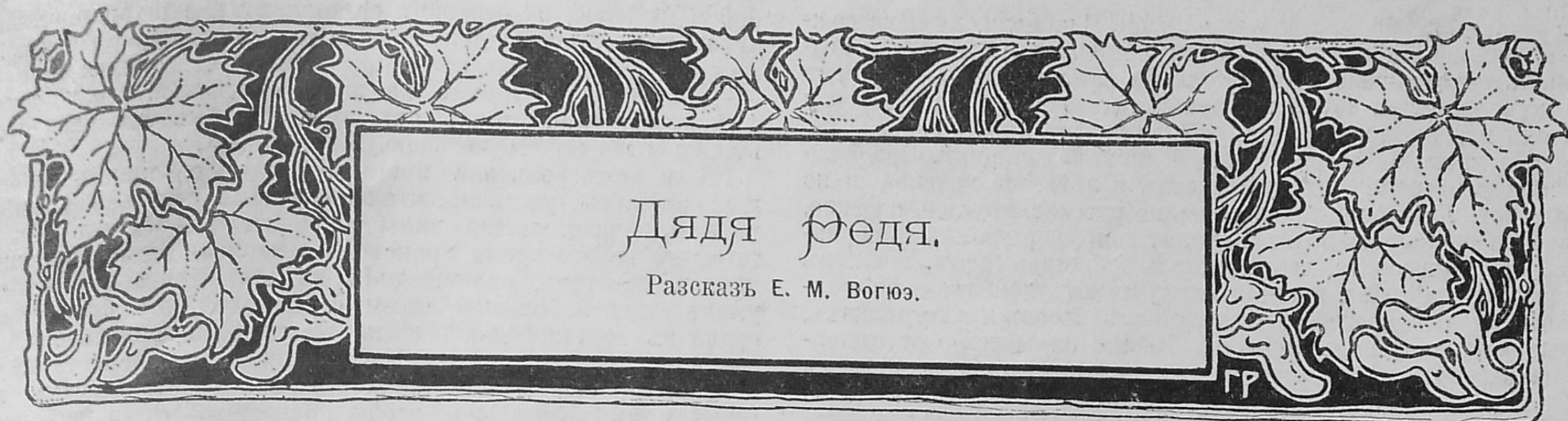
(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Не вѣрьте вы словамъ привѣта,
Не вѣрьте ласкамъ и очамъ! —
Въ нихъ не найдете вы отвѣта
Своей душѣ, своимъ мечтамъ.

Все люди лгутъ и лгать свободны, —
Въ нихъ ложь съ обманомъ сплетены,
Въ своихъ стремленіяхъ бесплодны,
Въ своихъ исканіяхъ смѣшны!

Алла Делормъ.

Дядя Федя.

Разсказъ Е. М. Вогузъ.

Когда я былъ еще очень юнъ, у насъ по губернии ходилъ одинъ старичокъ-коробейникъ, котораго всѣ иначе и не звали, какъ дядей Федей.

Никто даже не могъ сказать, откуда онъ родомъ, имѣлъ ли когда-нибудь семью, былъ ли когда-нибудь чѣмъ крѣпостнымъ, или занимался чисто-мужицкимъ дѣломъ. У насъ на Руси много есть такихъ мелкихъ ярмарочныхъ продавцовъ, которые, удалившись отъ людей, скитаются по бѣлу свѣту, никому не нужные и ни къ чему не годные. Ихъ какъ-будто и природа-то создала, не подумавъ, о томъ, что она такое создаетъ, а создавъ, позабыла о нихъ. Какъ чайки на морѣ, эти бесполезныя птицы, они никому не мозолятъ глазъ. Дядя Федя бздилъ и продавалъ по деревнямъ. Раза четыре или пять въ годъ появлялся онъ и у насъ на маленькой тощей лошадакѣ и съ громаднымъ тюкомъ въ телѣгѣ.

Его никто не любилъ. Во-первыхъ, онъ занимался ремесломъ, которымъ, по нашему повѣрью, занимаются только цыгане и жида. Кромѣ того, онъ, въ своей придавленной шляпѣ и въ длиннополой лисьей шубѣ, съ испуганной физиономіей, какая бываетъ развѣ только у битыхъ собакъ, походилъ скорѣе на разбойника съ большой дороги, чѣмъ на нашего русскаго честнаго мужичка, который представляется обыкновенно въ самомъ скромномъ видѣ, въ шапкѣ, въ овечьемъ тулупѣ, съ простодушнымъ взглядомъ и такою же простодушной улыбкою. Наконецъ дядю Федей подозрѣвали въ колдовствѣ. Говорятъ, будто всѣ скитающіеся люди занимаются этимъ. Недаромъ же на днѣ кошелей ихъ лежатъ всевозможныя книги, перья, чернила и даже очки, черезъ которыя можно видѣть человѣка за три версты. Недаромъ же они повсюду бродятъ, посѣщаютъ каждый домъ, ночуютъ, встаютъ до разсвѣта и бѣдутъ дальше. Что же тутъ удивительнаго, что такого сорта люди видятъ все, что на умѣ у ребятъ и животныхъ?

Въ господскихъ усадьбахъ на дядю Федей падали болѣе серьезныя обвиненія. Говорили, напримѣръ, про него, что когда кто-нибудь имѣлъ неосторожность приютить его на ночь, то послѣ его отбѣзда часто пропадали вещи. То не найдутъ бумажника съ деньгами, то нѣтъ топора или куска матеріи. Такъ что и полиція и дворовые были всегда наготовѣ захватить вора на мѣстѣ преступления. Наконецъ его считали записнымъ пьяницей, — потому что не разъ находили его лежащимъ подъ колесами его телѣги. Забывали, по обыкновенію, что человѣкъ можетъ утомиться съ дороги, а зимой и окоченѣть отъ холода. Вообразить же себѣ, что человѣкъ пьянъ, гораздо легче. Не было ни одной ссоры въ кабакахъ, гдѣ бы не было замѣшано имя дяди Федей. При вмѣшательствѣ же полиціи, когда подымались крики, брань, обыкновенно все кончалось тѣмъ, что признавали виновникомъ всѣхъ этихъ беспорядковъ одного этого, всѣмъ чужого, заѣзжаго человѣка, молчаливо и постоянно угрюмо сидящаго въ своемъ углу и виновнаго только потому, что всѣ были о немъ самаго дурнаго мнѣнія. Ко всѣмъ этимъ невздамъ прибавьте то, что ему не было прохода по улицамъ отъ мальчишекъ, которые преслѣдовали его насмѣшками и комьями грязи. Бѣднякъ въ такихъ случаяхъ только подгонялъ свою лошадаку и отворачивалъ понуренную голову, точно и въ самомъ дѣлѣ онъ заслуживалъ такого презрительнаго къ себѣ отношенія. Словомъ, честные люди не могли ни уважать ни любить эту сомнительную личность.

Я же между тѣмъ любилъ дядю Федей. Онъ былъ свидѣтелемъ моего ранняго дѣтства и находился въ моей памяти всегда на самомъ почетномъ мѣстѣ среди самыхъ живыхъ и радостныхъ воспоминаній. Вотъ одно изъ самыхъ наиболѣе раннихъ. Этотъ коробейникъ представляется мнѣ въ связи съ кануномъ большихъ нашихъ праздниковъ. Вся наша дворня приходила въ страшное волненіе, когда, бывало, заслышитъ колокольчикъ его лошадаки. Онъ входилъ въ своей лисьей шубѣ и со своимъ специфическимъ запахомъ холода, снѣга и ницеты въ теплыя сѣни и открывалъ плетеную корзину изъ ивовыхъ прутьевъ. Чего только тамъ, въ этой корзинѣ, не было!

Вся дворня сбѣжится, и дворовыя дѣвки съ разбѣгающимися глазами тѣсняются къ продавцу, чтобы какъ можно ближе разглядѣть товаръ. Онъ, не церемонясь, вытаскивали ленты, кружева и ситцевыя платки. Я же съ нетерпѣніемъ выжидалъ, когда эта корзина опростается, такъ какъ отлично зналъ, что на днѣ ея упакованы игрушки. Наконецъ и я истрачивалъ всѣ свои денежки, и это, должно-быть, настолько отражалось на моемъ

лицѣ, что дядя Федя тотчасъ же замѣтитъ, посмотритъ на меня своими добрыми глазками — и сунетъ мнѣ въ руку „въ кредитъ“ тульскій ножичекъ или какой-нибудь чудный суздальскій образокъ. Впослѣдствіи онъ же приносилъ мнѣ и книги и порохъ.

Мой отецъ косо посматривалъ на нашу дружбу и дѣлалъ всегда знаки нашему старому дворецкому, который тотчасъ же принималъ недовѣрчивый видъ бульдога. И какъ только кончалась продажа, коробейникъ долженъ былъ спѣшить. Онъ наскоро упаковывалъ товаръ, ему тотчасъ же отворяли дверь и не выпускали его изъ виду, пока онъ не скрывался за воротами. Никто даже и не думалъ помочь ему поднять на телѣгу тяжелый тюкъ. Часто приходило мнѣ на умъ защитить стараго друга; но, во-первыхъ, у меня не хватало на это отваги, а во-вторыхъ, я хорошо понималъ, что защищать людей, на которыхъ всѣ нападаютъ, — напрасная потеря времени.

Въ послѣдній разъ дядя Федя былъ у насъ въ одно изъ воскресеній Великаго поста. Онъ пришелъ поздно вечеромъ. Погода на дворѣ была бурная и холодная. Передъ уходомъ дядя Федя взглянулъ на небо, т.-е., какъ бы внутренне помолвившись, и тихо спросилъ меня, не можетъ ли онъ переночевать вмѣстѣ съ лошадакою у насъ въ конюшнѣ. Но матъ моя испугалась при одной этой мысли, и отецъ наотрѣзъ отказалъ ему въ этомъ. Старый коробейникъ покорно удалился. Я побѣждалъ велѣдъ за нимъ и тихо сказалъ ему:

— Дядя Федя, мельничныя сарай открыть, знаешь, внизу, у шлюзы, ты можешь тамъ укрыться.

— Нѣтъ, спасибо, баринъ, я въ городъ лучше поѣду.

— А что, если метель застанетъ тебя на дорогѣ? Что будетъ съ тобою?

Старикъ грустно улыбнулся:

— Ничего, баринъ, никто и не вспомнитъ о дядѣ Федей, — не много мѣста занимаетъ онъ въ Божьемъ мірѣ. Если и случится съ нимъ какое несчастье, то это никому горя не принесетъ.

Никогда еще старикъ-коробейникъ не произносилъ такой длинной фразы съ одного духа. Я былъ страшно удивленъ и не могъ даже себѣ представить, чтобы этотъ человѣкъ былъ дурнымъ. Но на слѣдующій же день я самъ устыдился своей наивности. Утромъ ко мнѣ вошелъ отецъ, взволнованный, и объявилъ новость:

— Хорошо, что я вчера тебя не послушался, — сказалъ онъ. — Поздравляю тебя съ твоимъ другомъ.

И онъ разсказалъ мнѣ, что ночью подожгли домъ одного изъ сосѣдей.

Этотъ сосѣдъ скверно обходился съ крестьянами и жилъ съ ними не въ ладахъ. Мой отецъ не сомнѣвался, что пожаръ было дѣломъ этого басурмана-коробейника, котораго онъ чуть-было не приютилъ у себя. Подозрѣваемаго немедленно остановили. Нашли же его блуждающимъ недалеко отъ сожженной усадьбы, въ сосновомъ лѣсу. Произвели обыскъ. Но, несмотря на всѣ усилія прокурора, у него ничего не обнаружили такого, что бы доказывало его виновность. Тогда подозрѣнія пали на одну бабу изъ нашей деревни, на нѣкую Акулину, которая служила у нашихъ несчастныхъ сосѣдей. Она послѣ какой-то сцены съ угрозами и руганью была расчитана, ушла, вернулась только утромъ въ день пожара и не хотѣла говорить, гдѣ провела эту ночь. Дядю Федей отпустили, объявивъ ему, впрочемъ, предостереженіе и приказаніе покинуть нашу сторону.

Черезъ три мѣсяца свидѣтеля, такъ какъ Акулина была одною изъ прежнихъ крѣпостныхъ его. Надо было ѣхать въ уѣздный городъ, и отецъ согласился взять меня въ свой экипажъ. Въ городѣ онъ оставилъ меня съ лошадами въ гостиницѣ и приказалъ ожидать его. Но мое любопытство разгорѣлось. Я проскользнулъ въ залу суда, притаился въ уголкѣ у печки, гдѣ прослушалъ все дѣло не только съ большимъ вниманіемъ, но и съ весьма понятнымъ въ мои года волненіемъ. Все, что произошло въ это утро, до мельчайшихъ подробностей врѣзалось въ моей памяти.

Знаете ли вы нашъ провинціальный судъ? Зала съ голыми стѣнами, да по два ряда скамеекъ съ правой и съ лѣвой стороны; въ глубинѣ, на возвышеніи, столъ для судьи; надъ нимъ, на бѣлой стѣнѣ, большіе круглыя часы.

Въ этотъ день зала была полна. На скамейкахъ правой стороны сидѣли дворяне, помѣщики окрестныхъ земель и чиновники

изъ города; съ лѣвой стороны—крестьяне Ивановки, хозяйва сожженной усадьбы и почти всѣ наши крестьяне... На скамьѣ подсудимыхъ сидѣла обвиняемая. Немного дальше за нею—одна изъ ея родственницъ съ двумя маленькими дѣвочками; на рукахъ у нея былъ новорожденный; это были дѣти Акулины.

Все мое вниманіе сосредоточилось на этой женщинѣ. Она была еще молода, стройна, въ цвѣтѣ силъ и лѣтъ, не красива и не дурна собой. Лицо ея было совершенно русское, круглое, плоское, смуглое, но оно выражало ограниченность и упорство. Акулина, казалось, еле слушала то, что бормоталъ секретарь своимъ соннымъ голосомъ; не смотрѣла ни на публику ни на судей; глаза ея остановились на вышукломъ, толстомъ стеклѣ часовъ и на стрѣлкахъ, которыя двигались подъ стекломъ. Иногда она быстро оглядывалась на входную дверь, какъ-будто кого-то ждала, и, никого не дождавшись, разочарованная и грустная опять смотрѣла на часы, какъ бы надѣясь, что они принесутъ ей то, чего она ждетъ, чего не можетъ дожидаться отъ закрытой двери.

Между тѣмъ прокуроръ произнесъ свою рѣчь. Обвиненія его противъ Акулины были ужасны.

Ея-де мужъ былъ негодяй, недавно умеръ отъ невоздержанности въ пьянствѣ и былъ самаго сквернаго поведенія. Оставшись вдовой съ тремя дѣтьми, Акулина выказывала всегда грубый и необходительный характеръ. Прогнанная и даже избитая своей хозяйкой за наглость, она покинула усадьбу за нѣсколько часовъ до пожара, произнося угрозы передъ всѣми дворовыми. Она передъ многими свидѣтелями не разъ повторяла: „Я имъ пушу красного пѣтуха“. То же самое она сказала вечеромъ и у мельника, покупая у него цѣлый возъ соломы. Затѣмъ она пропала и вернулась только на слѣдующее утро. Возвратилась измученная, усталая, сапоги ея были въ грязи, и, главное, она была съ пустымъ возомъ, безъ соломы. Прійдя домой, она сдѣлала видъ, что не знаетъ ничего, что Ивановка почти вся сгорѣла. Оправдываясь, Акулина говорила, что отвезла солому къ двоюродному брату Антону Петровичу, у него же и ночевала въ оwinѣ. Этотъ же Антонъ вскорѣ послѣ пожара поѣхалъ въ поискахъ за счастьемъ въ Одессу, поступилъ тамъ на какой-то иностранный пароходъ, и его нигдѣ не могли найти. Однако отсутствіе этого единственнаго свидѣтеля въ пользу Акулины было незначительно для дѣла, ссылка же обвиняемой на отсутствующаго была, очевидно, только пустой отговоркой, и ее даже не приняли во вниманіе.

Прокуроръ закончилъ рѣчь требованіемъ, чтобы виновная была подвергнута должному наказанію.

Свидѣтели въ одинъ голосъ говорили противъ Акулины. Помѣщикъ объявилъ, что уже болѣе не сомнѣвается въ томъ, что только она одна и могла поджечь его домъ. Другіе показывали противъ подсудимой, говоря только объ ея грубомъ и раздраженномъ нуждой характерѣ. Показанія крестьянъ были неинтересны. Всякій изъ нихъ оставался тѣмъ, чѣмъ вообще бываютъ на судѣ крестьяне: та же боязливая сдержанность, тѣ же невнятные, неопредѣленные фразы, процѣживаемыя въ отвѣтъ на прямо поставленные вопросы, та же забота какъ-нибудь кого-нибудь не задѣть или не скомпрометировать. Они даже не знали хорошенько, какъ это несчастье случилось; одни что-то слышали, но что именно и отъ кого слышали—на судѣ не говорили. Другіе говорили, что встрѣтили утромъ Акулину, но гдѣ и на какой дорогѣ—не помнили. Двѣ кумушки не хотѣли сказать, какъ и за что ихъ побилла Акулина. Одна изъ нихъ прибавила, что эта Акулина была работающей женщиной, трудилась, не жалѣя себя, и что ея три ребеночка—Божьи ангелочки, и то, что случилось, будетъ большимъ для нихъ горемъ. Адвокатъ, безбородый блондинъ, низенькаго роста, съ испуганной физиономіей, процѣдилъ нѣсколько фразъ, прося судей сжалиться надъ несчастной вдовой, сказавъ при этомъ нѣсколько словъ объ освобожденіи крестьянъ, которое-де должно водворить согласіе между сословіями. Акулина во все это время продолжала, повидимому, не обращать вниманія ни на слова свидѣтелей ни даже на слова своего защитника. Ея взглядъ блуждалъ попрежнему съ часовъ къ двери, съ двери на часы. По ея короткимъ отвѣтамъ можно было догадаться, что происходитъ въ ея головѣ. Изъ всего этого процесса и послѣ того, что говорили, единственное, что было еще понятно этому отупѣвшему мозгу и овладѣвало ею всею съ упорствомъ помѣшанной,—это то, что одно только появленіе двоюроднаго брата ея Антона Петровича можетъ спасти ее, и что это произойдетъ не иначе, какъ если сейчасъ, въ эту самую минуту и черезъ эту самую дверь, придетъ Антонъ Петровичъ и скажетъ нужныя слова. Ее увѣряли, что Антонъ давно погибъ въ дальнихъ моряхъ. Но какое ей было до этого дѣло, если его появленіе одно только и можетъ спасти ее? Онъ долженъ былъ прійти, и справедливость Божія должна была для нея это сдѣлать. За нѣсколько дней до суда адвокатъ Акулины написалъ еще разъ въ Одессу, справляясь объ Антонѣ; но ему оттуда отвѣтили, что ожидается нѣсколько пароходовъ, и что, можетъ-быть, Антонъ на одномъ изъ нихъ,—но что онъ еще въ дорогѣ и скоро долженъ прійхать.

Бѣдная женщина была вполне поглощена своей безразсудной надеждой. Она, какъ претерпѣвающій караблекрушеніе въ океанѣ, ждала какого-то спасительнаго паруса,—ждала чуда, какъ-будто ей кто-нибудь въ церкви устами священника предсказалъ его. И по мѣрѣ того, какъ минутная стрѣлка двигалась, увлекаемая за со-

бой и часовую, ея ожиданія становились все лихорадочнѣе и лихорадочнѣе. Предсѣдатель предложилъ ей послѣдніе вопросы. Она повторила фразу, уже нѣсколько разъ ею сказанную:

—Невинна я, ничего не знаю о пожарѣ! Пусть спросятъ Антона Петровича, пусть онъ прійдетъ. Онъ все скажетъ, что нужно; я же ничего не знаю. Я невинна.

Но на этотъ разъ она проговорила это съ такимъ глубокимъ и искреннимъ чувствомъ, что очень многіе невольно ей повѣрили, хотя и доказательства вины ея были неоспоримы. Изъ всего того, что въ это время происходило въ моей головѣ, я прекрасно понялъ поворотъ, происшедшій въ эти нѣсколько секундъ въ умахъ судей и большей части слушателей; это было особенно видно въ грустной позѣ и въ жестахъ предсѣдателя. Мы всѣ знали, что нельзя не обвинить этой женщины, и въ то же время поняли, что обвинить ее можно только подъ сомнѣніемъ, и что всѣмъ намъ желательно, чтобы произошло нѣчто необыкновенное, что-то такое, что должно было бы облегчить насъ отъ тяжести, сдавившей грудь. Мы даже были готовы вмѣстѣ съ Акулиной ждать Антона Петровича, хотя въ подобную развязку и нельзя было повѣрить. И было больно смотрѣть на этихъ бѣдныхъ малютокъ, которыя черезъ часъ должны будутъ сдѣлаться круглыми сиротами. Мать ихъ уже больше не возвратится изъ Сибири; а если и возвратится, то слишкомъ поздно. Кто-то взраститъ эти несчастныя существа, покинутыя одинокими въ цѣломъ мѣрѣ и обреченныя на нищенство? Судья тоже невольно нѣсколько разъ посмотрѣлъ въ ихъ сторону.

Предсѣдатель въ немногихъ словахъ сказалъ свое резюме. Онъ говорилъ тихо, какъ-будто сожалѣя о томъ, что онъ говорилъ, и какъ бы помимо своей воли приводилъ доказательства преступленія. Судьи удалились и вернулись очень скоро. Предсѣдатель всталъ съ бумагой въ рукахъ.

Акулина поняла тогда, что уже все для нея кончено; она въ ужасѣ встала, протянула руки къ своимъ дѣтямъ, конвульсивно ощупывая ихъ головы, и затѣмъ вдругъ упала навзничь, съ руками, протянутыми къ образу, и, задыхаясь отъ слезъ, не своимъ, надрывающимъ душу голосомъ, закричала:

—Спаси, Христосъ! Умилосердись надъ Твоею рабою и надъ дѣтьми ея! Умилосердись!

Крестьяне, всѣ, какъ одинъ, увлеченные этой потрясающей сценой, поднялись со своихъ скамеекъ, опустили на колѣни и стали набожно креститься.

Нѣтъ силъ описать того впечатлѣнія, какое произвела на присутствующихъ эта сцена. Судья и дворяне остались неподвижными и изумленными. Никто не рѣшился ничего сказать ни даже пошевелиться. Воцарилась такая тишина, что я съ моего мѣста отчетливо слышалъ тиканіе маятника часовъ. И это какъ-то особенно врѣзалось въ моей памяти. Часы первые прервали молчаніе. Они начали тихо бить 12 часовъ своимъ сильнымъ и густымъ звономъ. Всѣ молчали, никто не смѣлъ прервать этого молчанія, пока били часы. Всѣ были проникнуты одной и той же мыслью и въ онѣмѣніи ждали, когда замолчитъ этотъ ужасный голосъ, который не разъ уже возвѣщалъ своимъ звономъ минуты горя, мукъ и кончины. Звукъ этотъ вывелъ Акулину изъ оцѣпенѣнія и привелъ ее опять къ ея безумной мечтѣ. Она поднялась и бросила послѣдній, полный отчаянія, взглядъ на дверь. Многіе невольно обернулись по направленію этого взгляда, даже нѣкоторые изъ судей посмотрѣли на дверь, и въ эту минуту, кажется, никто бы не удивился, если бы вошелъ въ залу Антонъ Петровичъ. Я тоже повернулся къ двери, увлеченный общимъ настроеніемъ.

Дверь не открылась; но каково было мое изумленіе, когда въ глубинѣ залы я вдругъ увидѣлъ хорошо знакомую мнѣ лисью шубу съ ея сухими складками и какъ бы ощутилъ тотъ же запахъ холода и снѣга.

Дядя Федя вошелъ въ залу нѣсколько минутъ тому назадъ и скрылся никѣмъ не замѣченнымъ въ углу. Его маленькіе мигающіе глазки боязливо блуждали по присутствующимъ, по судьямъ и по подсудимой. Но особенно долго взглядъ его остановился на дѣтяхъ Акулины, и мнѣ показался въ глазахъ его тотъ же мягкій и добрый проблескъ, который я такъ давно замѣчалъ у него, когда онъ дарилъ мнѣ суздальскіе образки. Между тѣмъ предсѣдатель возстановилъ порядокъ, и началось чтеніе приговора. Дядя Федя стоялъ, почесывая затылокъ, кашлянулъ, затѣмъ опять посмотрѣлъ на дѣтей, потомъ на образъ и вдругъ съ особенными предосторожностями, какъ бы боясь задѣть кого-нибудь по дорогѣ, сталъ пробираться тихими шагами между рядами скамеекъ; осторожно, боясь кого-нибудь толкнуть, пробрался на середину залы, всталъ на колѣни, перекрестился и, не вставая съ колѣнъ, съ измятою въ рукахъ шапкой, сталъ подвигаться ближе къ судейскому столу.

Предсѣдатель прервалъ чтеніе.

—Что вамъ угодно?—спросилъ онъ.

Дядя Федя тихо, сдавленнымъ голосомъ, такъ, что едва можно было слышать его, отвѣтилъ:

—Простите меня, господа судьи, эта женщина не виновата. Это я многогрѣшный поджечь домъ.

Тотчасъ же начались разспросы. Сначала даже подумали, что имѣютъ дѣло съ сумасшедшимъ... Его заставили повторить его показаніе, спросили его имя. Это имя произвело впечатлѣніе на судей и возобновило въ памяти судей все то дурное, что они когда-то слышали про этого дядю Федю. Они шопотомъ стали перегова-

риваться между собою и, когда немного успокоились, принялись за нужные разспросы. Дядя Федя отвѣчалъ, но какъ-то нескладно и какъ бы съ цѣлью устранить всякое сомнѣніе въ его виновности. Онъ сказалъ, что въ эту злополучную ночь онъ ночевалъ въ ригѣ на мельницѣ и видѣлъ Акулину съ ея телѣжкой съ соломой по дороге къ дому Антона Петровича. Въ полночь онъ тайкомъ ушелъ съ мельницы, достигъ Ивановки, проникъ за заборъ и поджегъ конюшни. Онъ уже давно обдумывалъ планъ мести владѣтелю Ивановки, который годъ тому назадъ его жестоко избилъ.

Слово „месть“ въ устахъ этого человѣка придавало дѣлу личный характеръ. Когда его начали допрашивать, почему онъ не сознался при первомъ слѣдствіи, коробейникъ, въ свою очередь, спросилъ у судей, не нашли ли они въ Ивановкѣ горшка извѣстной фирмы со смолою. Горшокъ этотъ былъ одинъ изъ предметовъ его торговли, онъ купилъ его въ городѣ наканунѣ поджога, и, если судьямъ угодно, они могутъ его провѣрить. Эта подробность была точно провѣрена, и дѣйствительно горшокъ тотъ оказался между вещественными доказательствами и, должно-быть, былъ употребленъ для поджога. Въ первую минуту удивленіе было такъ сильно, что судьи не могли себѣ дать отчета о случившемся. Было только одно общее смутное желаніе, чтобы гроза миновала Акулину. И это, можетъ-быть, помогло имъ слѣпо увѣриться въ виновности коробейника, тѣмъ болѣе, что на него и съ самаго начала падало подозрѣніе. Слѣдствіе же о немъ было прекращено, но не по волѣ суда, а потому, что доказательства были слишкомъ ничтожны. Оставалось только вывести это дѣло на свѣжую воду.

И не Божеская ли это была справедливость, которая только-что проявила себя въ этомъ дѣлѣ такъ блистательно и которая заставила сознаться преступника въ ту минуту, когда погибала невинная! Съ той минуты, какъ заговорилъ дядя Федя, въ залѣ дышалось свободнѣе, какъ-будто кто-нибудь разрѣшилъ насъ отъ того тяжелаго бремени, которое насъ давило. Взамѣнъ появилось смутное чувство, что все къ лучшему.

Вопросы на этотъ разъ были кратки и скоро окончились. Предсѣдатель въ послѣдній разъ попросилъ дядю Федю подкрѣпить свое показаніе подъ присягой. Тотъ, показалось мнѣ, поколебался во второй разъ; но опять тихо поднялъ глаза къ образу и поднялъ правую руку, какъ бы моля защиты. Въ судѣ произошла иного рода чувствительная сцена. Старый коробейникъ одинъ посреди зала суда, подъ сотнями ненавистныхъ взглядовъ, стоялъ, грустно опустивъ голову, какъ бы уничтоженный всеобщимъ отверженіемъ. Признаюсь, я страдалъ за моего стараго друга, хотя и былъ увѣренъ, что онъ преступникъ. Но эта всеобщая ненависть къ нему мучила меня, и когда судьи вынесли приговоръ, мнѣ стало легче. Дядя Федя былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ. Наказаніе было ограничено десятью годами въ виду чистосердечнаго признанія. По прочтеніи приговора, дядю Федю увели.

Когда онъ остановился около меня, задержанный толкотнею около двери залы, я ощупалъ въ моемъ карманѣ нѣсколько рублей и сунулъ ихъ въ руку приговореннаго:

— Прощай, бѣдный дядя Федя!

— Спасибо, баринъ, — пробормоталъ онъ мнѣ въ отвѣтъ. — Ничего, мое несчастіе никому горя не принесетъ.

И я вспомнилъ тогда, что онъ уже мнѣ разъ говорилъ эту фразу и тѣмъ же сиротливымъ тономъ въ ту ночь, когда онъ въ послѣдній разъ ушелъ отъ насъ.

На улицѣ крестьяне окружили Акулину, поздравляя ее. Она лишь плакала, приговаривая:

— Слава Богу! Ахъ, онъ, проклятый цыганъ; хотѣлъ погубить меня невинную!

Ее съ триумфомъ проводили въ деревню. Вечеромъ въ кабацкѣ былъ тоже праздникъ.

Но недолго говорили объ этомъ происшествіи. Какъ только выстроился новый домъ въ Ивановкѣ, воспоминаніе о пожарѣ пропало вмѣстѣ съ развалинами стараго дома.

Прошли мѣсяцы, годы. Помню, что черезъ четыре года я поступилъ въ военное училище, гдѣ провелъ два года. Значить, не ранѣе шести лѣтъ я вернулся домой на мои лѣтнія каникулы. Однажды утромъ все мы вмѣстѣ пили чай въ саду. Вдругъ, вижу, бѣжитъ къ намъ налцъ священникъ, очень взволнованный.

— Боже мой! Боже мой! Какой случай! Если бы только знали! — кричалъ онъ намъ издали, едва завидя насъ.

— Я знаю, — отвѣтилъ мой отецъ: — мельникъ упалъ съ лѣстницы и расшибся до смерти. Но эта потеря еще не велика, такъ какъ это былъ человѣкъ нехорошій и для крестьянъ порядочное страшилище.

— Да, но вы не знаете самаго ужаснаго, — перебилъ отца священникъ. — Этотъ человѣкъ передъ смертью присылалъ за мною и открылъ мнѣ свою тайну. „Батюшка, — говорить, — я страшный грѣшникъ. Вѣдь это я тогда сжегъ Ивановку-то изъ мести къ ея владѣльцу, который отдалъ въ рекруты моего сына“. — „Да что ты говоришь, — вскричалъ я: — вѣдь это коробейникъ, дядя Федя сдѣлалъ; онъ же и признался въ этомъ!“ — „Нѣтъ, батюшка, это я. Дядя Федя ночевалъ въ моемъ сараѣ, онъ мнѣ и продалъ горшокъ съ дегтемъ; имъ я и поджегъ домъ. Я даже думаю, что онъ подозрѣвалъ меня. Въ утро передъ судомъ приходитъ онъ ко мнѣ въ овинъ и говорить, и такимъ тономъ говорить, какъ-будто онъ все понимаетъ: „Сегодня, — говорить, — произойдетъ большое несчастіе, обвинять Акулину, которая, можетъ-быть, и не виновата!“ Я пригрозилъ старику, и такъ какъ онъ меня очень боялся, то и ушелъ, весь дрожа. Это онъ, Божья душа, сжалился надъ бѣдною вдовой и ея дѣтьми и за это займетъ мѣсто въ ряду святыхъ. А я, окаянный... грѣховодникъ! я уб... Батюшка! пусть возстанутъ несправедливость, пусть она же падетъ на мою душу! И можетъ ли быть мнѣ прощеніе?“ Тутъ не успѣлъ я его причастить, какъ онъ уже и душу Богу отдалъ въ ужасѣ отъ своего злодѣянія.

Мы немедленно отправили священника къ нашему начальству. Сейчасъ написали во все стороны Сибири. Но мѣсяцы проходили въ напрасной перепискѣ. Ошибокъ въ показаніи было достаточно. Въ Сибирѣ не знали, за какого ссыльнаго наше начальство просить. Наконецъ одинъ генераль-губернаторъ, чтобы прекратить эту бесполезную переписку, отвѣтилъ довольно сухимъ письмомъ. Онъ спрашивалъ: смѣются, что ли, надъ нимъ, въ самомъ дѣлѣ? Неужели думаютъ, что легко найти какого-то дядю Федю въ Сибири, и что у нихъ было не мало разносчиковъ подъ этимъ именемъ. Затѣмъ въ письмѣ значилось: въ продолженіе года въ больницѣ одного Томска умерло два дяди Феди, въ Тобольскѣ — три, не считая другихъ городовъ. Если чиновники не имѣютъ болѣе точныхъ данныхъ, имъ ничего не остается, какъ только пріѣхать самимъ и свѣрится въ колодничьихъ спискахъ всей Сибири, если хотятъ найти отыскиваемого дядю Федю и увезти его живымъ или мертвымъ. Когда въ деревнѣ узнали про неудачи всѣхъ нашихъ хлопотъ, Акулина принесла цѣлую корзину яицъ священнику, чтобы тотъ отслужилъ панихиду за упокой души бѣднаго дяди Феди. Мы все были тоже въ церкви, и я тогда только впервые понялъ значеніе текста въ Евангеліи, которое читалъ священникъ: „*Отче! Какъ Ты послалъ Меня въ міръ, такъ и Я посылаю Своихъ*“. Я никогда еще такъ не молился. Я понялъ эти слова, увидѣвъ передъ собой образъ дяди Феди, трясущагося посреди залы суда среди устремленныхъ на него взоровъ. Теперь же многіе, которые тогда его обижали, плакали, вспоминая объ этомъ непризнанномъ братѣ, умершемъ въ больницѣ не то въ Томскѣ, не то въ Тобольскѣ, а гдѣ именно? — никто объ этомъ никогда не узналъ.

Сказки Маріюкѣ.

(Изъ альбома)

Т. Щепкиной-Куперникѣ.

Серенада.

Лунный столбъ померкъ въ водѣ,
Голубѣтъ гладь залива,
Ночь уходитъ молчаливо...
Гдѣ ты?.. Гдѣ!

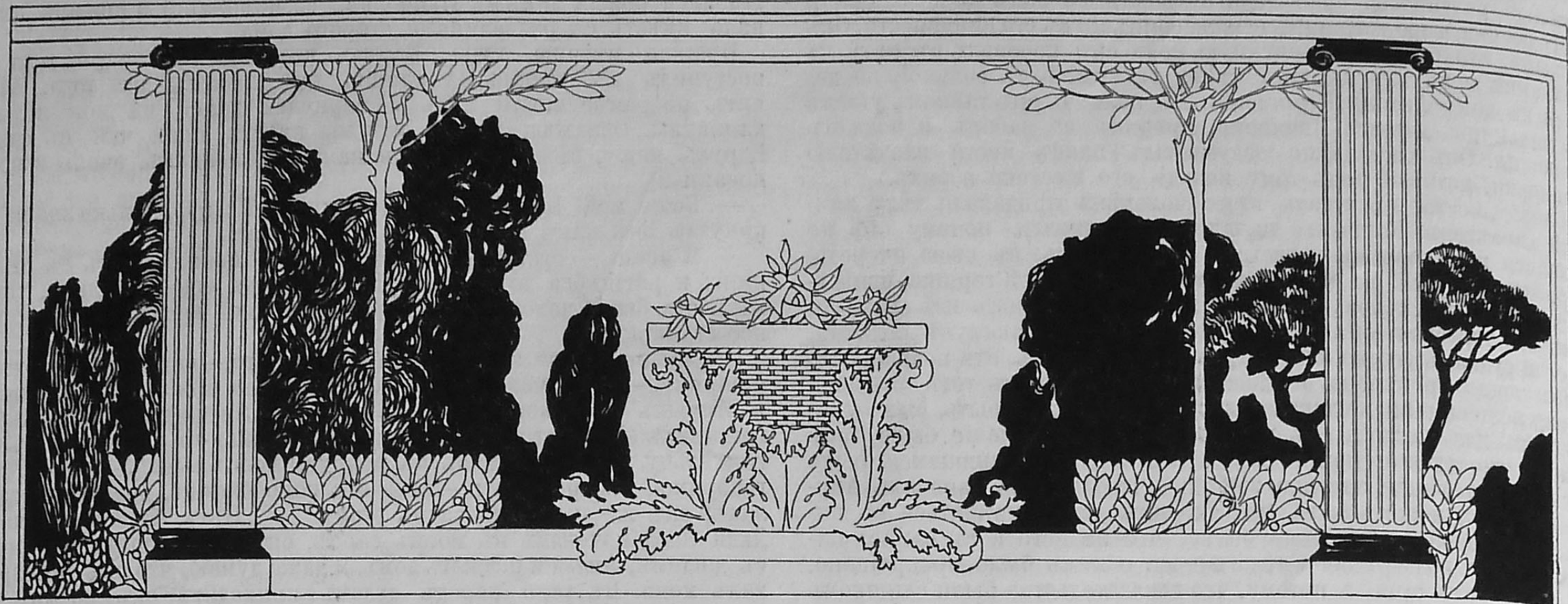
Точно сътью чудной пряжи,
Серебромъ весь міръ обвить,
Ночи сѣверной миражи
Воздухъ трепетный таить.
Ранней утренней звѣздѣ,
Полосѣ востока алой —
Всѣмъ шепчу съ тоской усталой:
Гдѣ ты?.. Гдѣ!

Меркнетъ лунная дорога.
Лучъ разбился — нѣтъ его..

Въ душу крадется тревога,
Лунной ночи колдовство.
Міръ не спитъ и внемлетъ чутко:
Быть ли счастью, иль бѣдѣ?..
Сердцу странно... Сердцу жутко..
Гдѣ ты?.. Гдѣ?

Въ дождь.

Унылое сѣрое небо,
Нахмурились старья сосны,
Какъ-будто онѣ вспоминаютъ
Давно отлетѣвшія весны.
И плачутъ, и плачутъ, и плачутъ...
И съ ними бѣ я плакать хотѣла
О томъ, что ушло мое лѣто,
Что радость его отлетѣла.

Растительный миръ и орнаментъ.

Очеркъ В. Н. Н.

I.

Поэтическое преданіе Греціи рассказываетъ слѣдующее: одна молодая дѣвушка умерла наканунѣ своей свадьбы. Кормилица умершей дѣвушки собрала ея любимыя бездѣлушки и дѣтскія вещи и, наполнивъ ими корзину, поставила ее на свѣжую могилу. Чтобы предохранить вещи отъ дождя, эта женщина прикрыла корзину сверху кирпичомъ. Когда настала весна, и стала пробиваться свѣжая зелень, корзину обвили листья акантуса (медвѣжья лапа), а концы этихъ листьевъ, упершись сверху въ камень, загнулись и завились. Скульпторъ Калимахъ, увидѣвъ случайно корзину, живописно увитую зелеными листьями, срисовалъ ее. Этотъ рисунокъ и послужилъ мотивомъ украшенія капители коринтской колонны, увѣнчанной зубчатыми листьями акантуса.

Такъ опоэтизировали греки заимствованіе архитектурныхъ украшеній отъ природныхъ формъ.

Въ дѣйствительности же подобная капитель могла явиться у грековъ по образцу древней египетской капители, украшенной листьями; но это не измѣняетъ сущности, — мотивамъ орнаментики главнымъ образомъ учила природа.

Въ первыя стадіи развитія народовъ, когда постройки ихъ, предметы домашняго обихода, оружіе и пр. выливались въ простыя, грубыя формы, украшенія отсутствовали. Но передъ глазами людей всегда были природа, животныя и растительный миръ, и первобытный человекъ сталъ высѣкать на своихъ издѣліяхъ фигуры людей, животныхъ и растений.

Надо думать, что формы растений дали первыя понятія о равномерности, симметріи и пропорціи. Онѣ показали безконечное разнообразіе красивыхъ сочетаній и расположеній, какія присущи элементамъ растительнаго міра. Тутъ было все: линия, ея изгибы, закругленія, чередованіе листьевъ, контуры ихъ и цвѣтовъ и контрасты формъ. Глазъ безсознательно останавливался на безконечныхъ гармоничныхъ сочетаніяхъ, изучалъ ихъ, и человекъ старался воспроизвести подобія этихъ сочетаній на камнѣ, деревѣ, глинѣ.

Такимъ образомъ природныя формы послужили богатымъ матеріаломъ для образованія орнамента въ видѣ архитектурныхъ украшеній, арабесокъ, узоровъ на тканяхъ, на вазахъ и т. п. во всѣ времена жизни людей, при чемъ передача растительныхъ формъ встрѣчается гораздо чаще формъ животнаго міра.

Элементы растений и цвѣтовъ, то упрощенные, то прихотливые, естественные или вычурные, попадаютъ на египетскихъ камняхъ, на греческихъ вазахъ, на стѣнахъ Помпей и на издѣліяхъ художественной промышленности Востока. Эти элементы наполнили орнаментъ и украшенія послѣдующихъ вѣковъ, вплелись въ кружево готической арки и въ строго-выдержанныхъ формахъ покрыли произведенія эпохи Возрожденія. Позднѣ великолѣпнымъ дождемъ они осыпали стѣны, ковры, драпировки и мебель французскаго королевства.

Въ настоящее время растительный орнаментъ встрѣчается

всюду, и даже трудно представить въ самой простой, скромной обстановкѣ отсутствіе изображеній цвѣтовъ и растений, гдѣ бы то ни было — въ матеріи, на посудѣ, на виньеткѣ книги.

Но самый характеръ передачи растительныхъ формъ въ орнаментѣ не всегда одинаковъ.

Иногда эти формы передаются съ возможно близкой точностью, — это орнаментика естественная или натурализованная. Иногда же природныя формы видоизмѣняются. Если при этомъ допущено преувеличеніе или подчеркиваніе характерныхъ формъ или отдѣлка нѣкоторыхъ существенныхъ элементовъ при общемъ упрощеніи рисунка, — то это — рисунокъ стилизованный. Подробности, затемняющія характеръ предмета, при этомъ упускаются. Стилизація большей частью сопровождается симметрией, ритмичностью элементовъ, и контуры предметовъ подходятъ къ геометрическимъ фигурамъ.

Въ настоящее время эта стилизація формъ приняла особенное значеніе и подчинилась нѣкоторымъ инымъ правиламъ и законамъ, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже.

При болѣе значительномъ уклоненіи отъ природныхъ формъ, при изображеніи причудливыхъ фигуръ, неестественныхъ, вычурныхъ —

орнаментъ является офантазированнымъ.

Къ этимъ тремъ видамъ можно подвести характеръ растительнаго орнамента всѣхъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.

II.

Архаическій рисунокъ первобытныхъ людей представлялъ систему линий, угловъ, спиралей, выбитыхъ на камнѣ или вырѣзанныхъ на деревѣ. При постепенномъ развитіи этого рисунка линии сводились въ замкнутые контуры, напоминавшіе фигуры животныхъ и растений, иногда заполненныхъ плоскимъ цвѣтомъ или тѣнью. Объ орнаментѣ подобнаго рода мы можемъ судить по работамъ дикарей (рис. 1).

У первобытныхъ людей всегда чувствовалось стремленіе къ естественной передачѣ видимыхъ предметовъ: человекъ, животныхъ, растений. Когда подобныя изображенія стали примѣняться, какъ украшенія домашнихъ вещей, то мало-по-малу фигуры теряли свой первоначальный видъ, пріобрѣтали схематичность, однимъ словомъ — подчинялись стилизаціи.

Одно изъ первыхъ примѣненій художественной стилизаціи мы встрѣчаемъ у древнихъ египтянъ. Они рисовали свой лотосъ въ видѣ плоской симметричной кисти съ расходящимися лепестками, рѣзко и опредѣленно выраженными нѣсколькими чертами. Изображенія этого излюбленнаго египтянами цвѣтка или его бутоновъ чаще всего встрѣчаются въ ихъ стѣнной живописи. Цвѣты эти рисовались или отдѣльно, или растущими группами въ водѣ, или въ видѣ одного и того же повторяющагося мотива заполняли орнаментъ. Стилизованные лепестки лотоса высѣкались или вырисовывались на капители египетской колонны, и сама капитель имѣла форму цвѣтка.

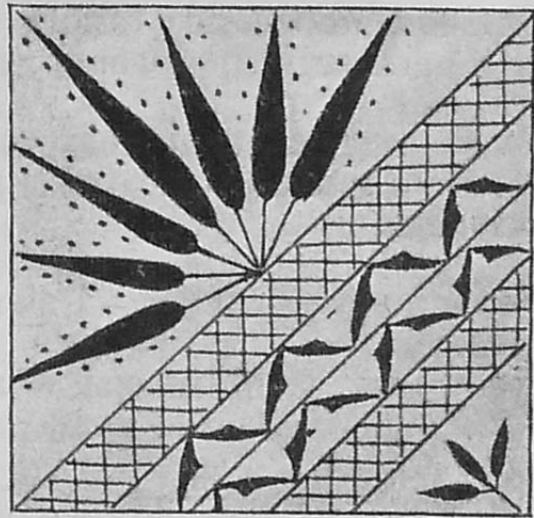
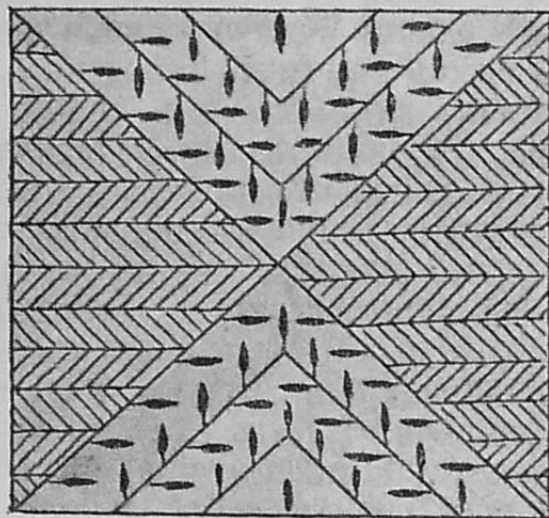

Рис. 1.

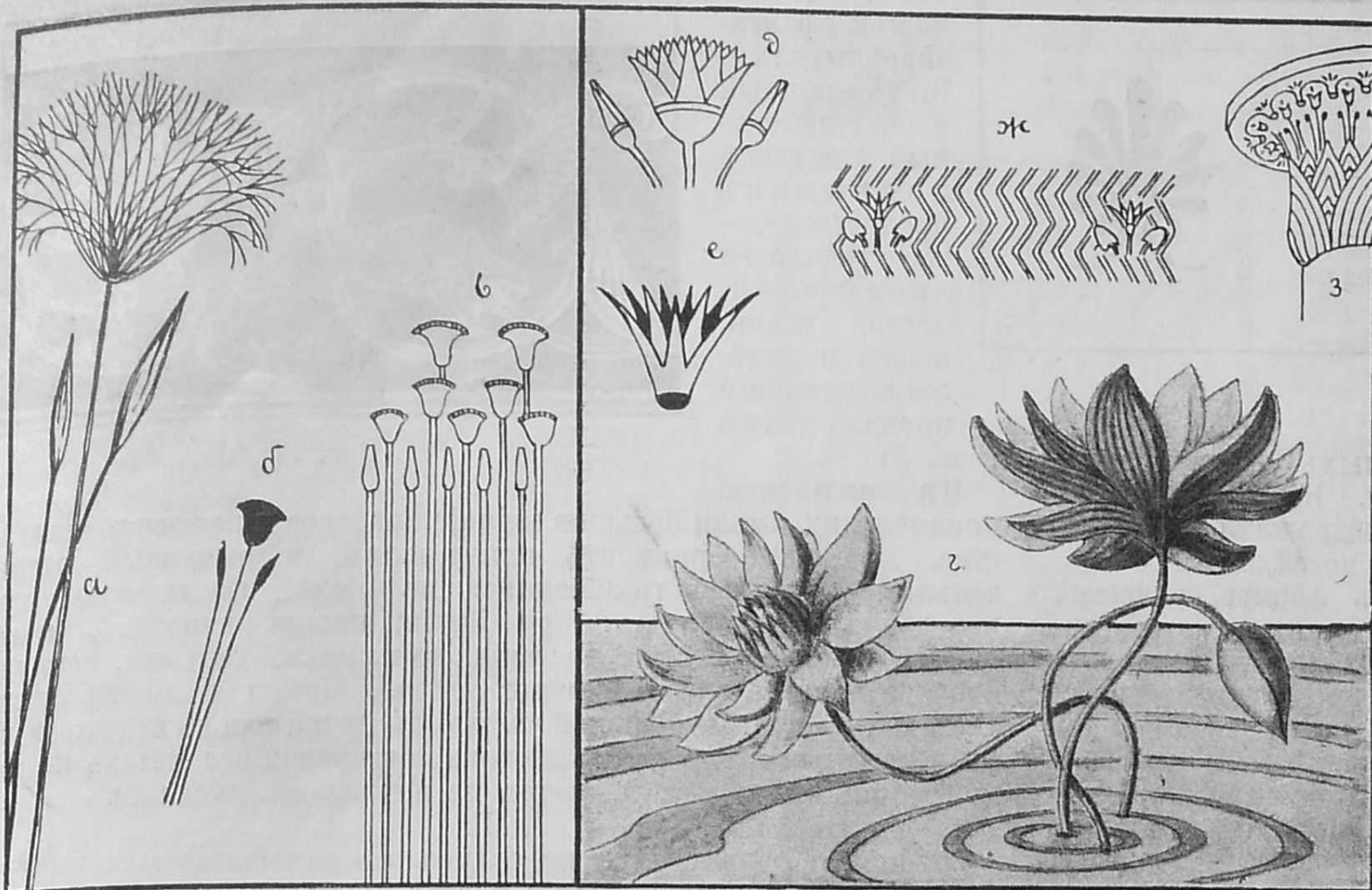

Рис. 2.

Так же часто встрѣчаются упрощенныя изображенія метелокъ папируса (рис. 2). Вообще же это скорѣе символы, условныя знаки растительныхъ формъ. Но символы эти, какъ и прочія изображенія растений, до того характерны, что даютъ возможность опредѣлить ихъ родъ. Среди фигуръ египетской живописи можно ясно различить колосья, растущіе въ полѣ, или связанные въ снопы, плодовые деревья, пальмы, виноградъ.

Памятники египетской старины, сохранившіеся до настоящаго времени, принадлежатъ къ эпохѣ расцвѣта культуры Египта и не представляютъ собой первобытнаго народнаго творчества. Наоборотъ, въ древнѣйшій — Мемфисскій періодъ у египтянъ были прекрасно исполненныя каменные, деревянные и бронзовые статуи. Изображенія людей на стѣнной живописи или на сверткахъ папируса исполнены выразительно, характерно и съ знаніемъ анатоміи. Если же фигуры эти изображались всегда въ профиль съ нѣкоторыми особенностями, а цвѣты рисовались или высѣкались въ видѣ упрощенной фигуры, то это только условія египетской стилизаціи, но никакъ не слѣдствіе неумѣлаго первобытнаго рисунка.

Болѣе подробное изученіе памятниковъ Египта указываетъ, что въ Мемфисскій періодъ передача растительныхъ формъ въ орнаментации была естественная, по крайней мѣрѣ на потолкахъ многихъ гробницъ изъ 2-й и 3-й династій (около 3.000 л. до Р. Х.) попадаются высѣченныя изображенія пальмъ, листья которыхъ, стволы съ чешуей и даже съ трещинами коры переданы очень близко къ природѣ. Такія же натурализованныя изображенія почекъ лотоса встрѣчаются на старинныхъ египетскихъ глазурованныхъ фаансовыхъ издѣліяхъ.

Въ Фиванскій періодъ (съ 2.500 г. до Р. Х.) уже замѣчается стилизація формъ, сначала въ высшей степени художественная, но къ эпохѣ около 2.000 л. до Р. Х. превратившаяся въ нѣкоторую утрировку (вытянутыя фигуры людей, усиленная стилизація растительныхъ формъ).

У ассиро-вавилонянъ на ихъ эмалированныхъ кирпичкахъ и тканяхъ рисунки грубѣе египетскихъ, но стилизація формъ также характерна. То, что желательно было подчеркнуть въ фигурахъ, вырисовывалось рѣзкими чертами: мускулы людей и животныхъ, растительныя нервы листьевъ, кольца стволовъ пальмъ. На рис. 3 а и б изображены: очертаніе пальмы по куюнжикскому рельефу съ рѣзкими обозначеніями ствола, листьевъ и нервовъ и виноградной вѣтви съ чередующимися листьями и гроздьями (по Springer'у). Далѣе встрѣчаемъ розетки, распустившіеся цвѣты,

пальмовыя вѣтви, кедровыя шишки, пальметы.

Финикияне, какъ мало-самобытные и не создавшіе своего искусства, заимствовали формы орнамента у ассирийцевъ, египтянъ и грековъ. На рис. 3 в и г представлены изображенія деревьевъ, повторяющихся въ орнаментѣ кипрской серебряной чаши (по Springer'у).

Совершенныя, полныя художественной простоты, формы греческаго орнамента образовались не сразу. Сначала греки заимствовали формы изъ Азіи и Египта, но съ присущей имъ самобытностью перерабатывали эти формы въ свои. Иногда же они заимствовали формы растительнаго міра изъ природы. Въ архаическія времена на издѣліяхъ до-эллинской культуры (Критъ, Микены) встрѣчаются то примитивныя контуры листьевъ и цвѣтовъ, то переданныя съ замѣчательной натуральностью вѣтви съ мелкими листочками, орнаменты изъ листьевъ, изображенія вьющихся и ползучихъ растений, въ то же время часто замѣчается стремленіе къ стилизаціи растительныхъ формъ.

Въ дорическомъ ордерѣ, а позднѣе въ ионическомъ, имѣется уже полное развитіе строгой стилизаціи, при чемъ главными элементами (ингредиентами) растительнаго орнамента служатъ: пальметы, отдѣльныя пальмовыя вѣтви и рѣже акантовые листья, которые впоследствии нашли большое примѣненіе въ коринтскомъ ордерѣ.

Нѣкоторыя изслѣдованія указываютъ, что листья акантуса встрѣчаются въ живописи еще въ V вѣкѣ до Р. Х., и что обычай украшать надгробныя памятники существовалъ и до появленія коринтскаго ордера. Подобное изображеніе встрѣчаемъ на одной изъ вазъ (лекнеѣ) V вѣка (рис. 4).

Элементы греческаго орнамента обладаютъ особой живучестью. Они прошли черезъ все эпохи искусства и всегда служили наиболѣе примѣняемыми деталями украшеній. Такими являются, напримѣръ, пальметы (рис. 5). Пальмета — мотивъ орнамента, получившій начало на Востока. Это — стилизованный листъ пальмы. Встрѣчается онъ на росписи стѣнъ, фризовъ, на вазахъ, тканяхъ и, какъ архитектурное украшеніе, на вершинахъ съ обоихъ краевъ фронтоновъ (акротеры).

Въ IV вѣкѣ до Р. Х. вмѣстѣ съ изысканнымъ

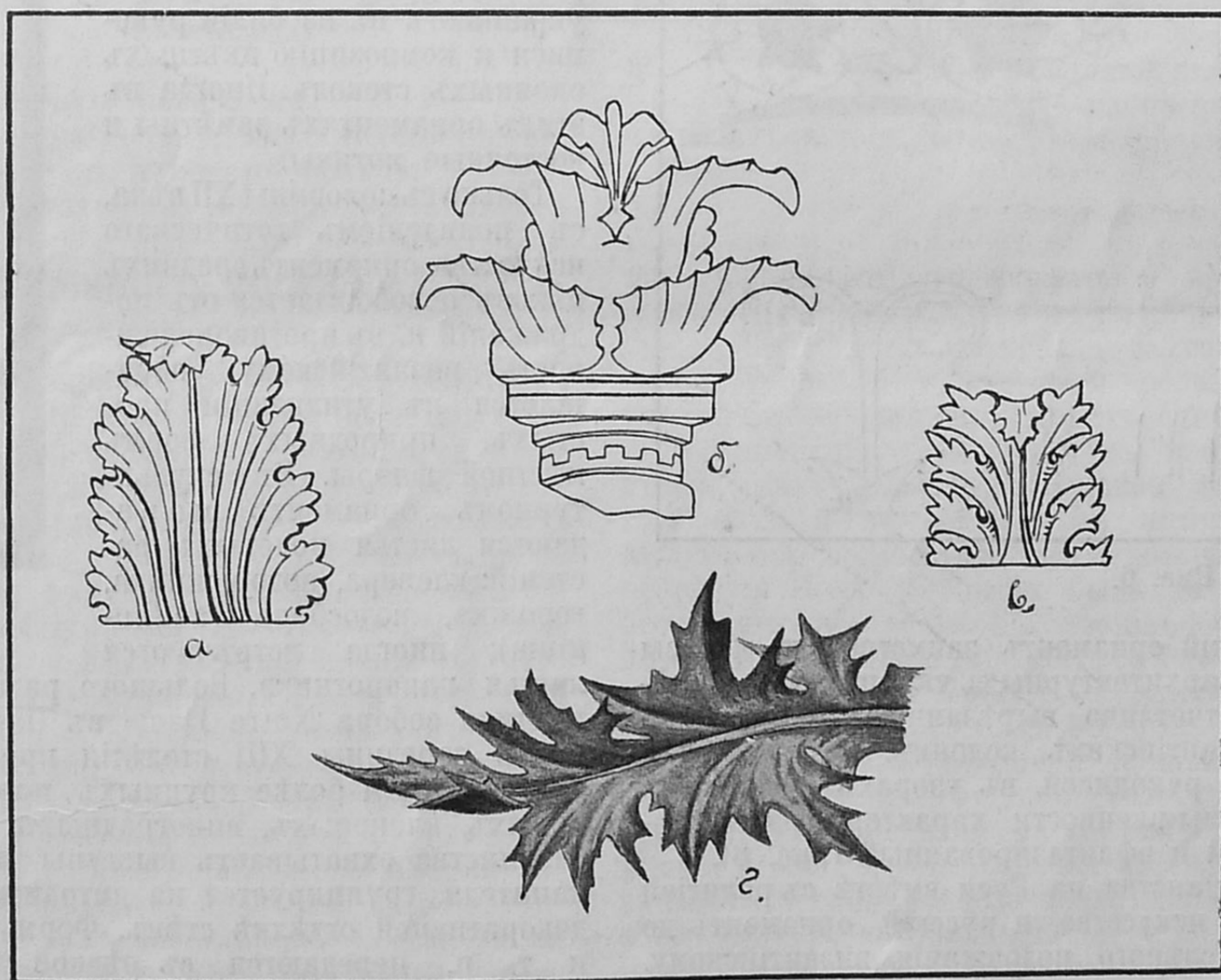

Рис. 3.

коринтскимъ стилемъ строгая стилизація отпадаетъ, и вышеупомянутые элементы, какъ и завитокъ акантуса на капители колоннъ, на орнаментѣ гуськовъ, выкружекъ и т. д. носятъ уже довольно сложный характеръ *).

У древнѣйшихъ обитателей Аппенинскаго полуострова, напр., у этрусковъ, замѣ-

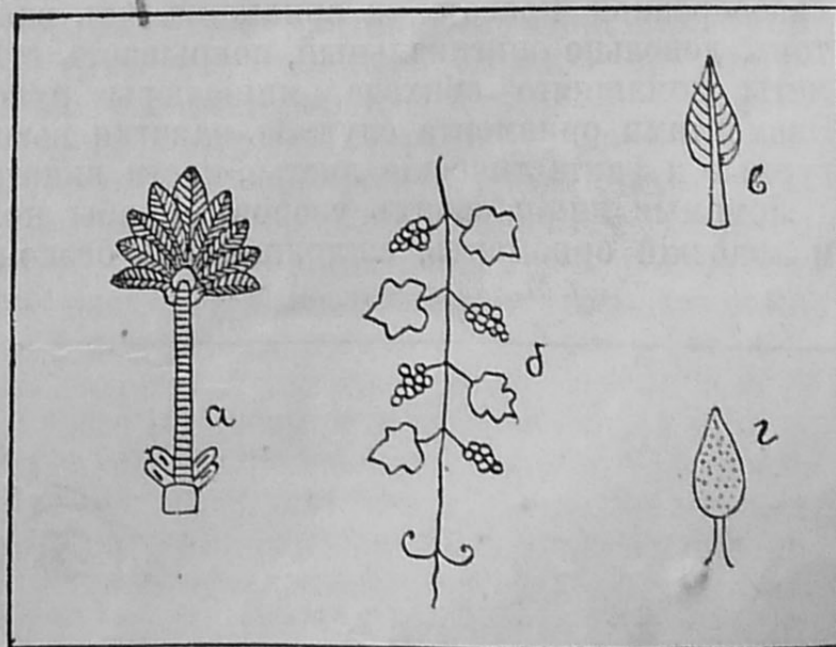

Рис. 4.

* Растеніе акантусъ бываетъ двухъ видовъ: 1) *acanthus mollis* (мягкій), который и служилъ образцомъ для украшения коринтскаго орнамента, а позднѣе перешелъ къ римлянамъ, и 2) *acanthus spinosus* (съ шипами), изображеніе коего встрѣчается на древнемъ лекнеѣ, въ византийскомъ орнаментѣ, въ готикѣ. Листья нѣкоторыхъ растений изъ семейства *Compositae* (напр., *Sagina acaulis*) или *Umbelliferae* (зонтичныя, напр., *Heraclium*) напоминаютъ листья акантуса, и современное названіе „медвѣжья лапа“ часто приписывается одному изъ зонтичныхъ растений.

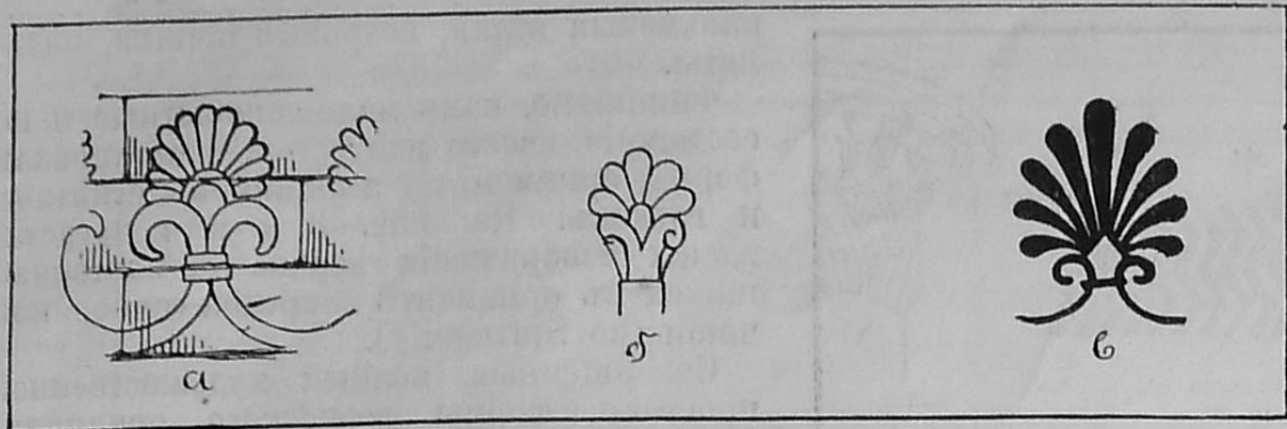

Рис. 5.

чаются нѣкоторые слѣды передачи растительныхъ формъ въ орнаментѣ, но довольно грубой и примитивной. Позднѣе этруски подражали финикіянамъ, а потомъ грекамъ, подражали слѣпо, совершенно не передавая изящества и вкуса послѣднихъ.

У римлянъ, принявшихъ черезъ этрусковъ формы греческой орнаментики, не было сначала самобытныхъ стилизованныхъ рисунковъ орнамента. Въ послѣдующія времена (послѣ покоренія Азій и Египта) архитектурныя украшенія носятъ уже отчасти характеръ самобытнаго творчества. На капителяхъ колоннъ появляются, кромѣ акантуса, оливковые и другіе листья мѣстной флоры, на фризахъ—лавръ и дубъ. Съ развитіемъ сложнаго ордера, въ декоративной живописи, въ архитектурныхъ украшеніяхъ, въ издѣліяхъ художественной промышленности появляется чрезвычайное обиліе акантовыхъ листьевъ, цвѣты, плоды, гирлянды, вазы съ цвѣтами.

Византійскій стиль образовался отъ греко-римскаго и отчасти

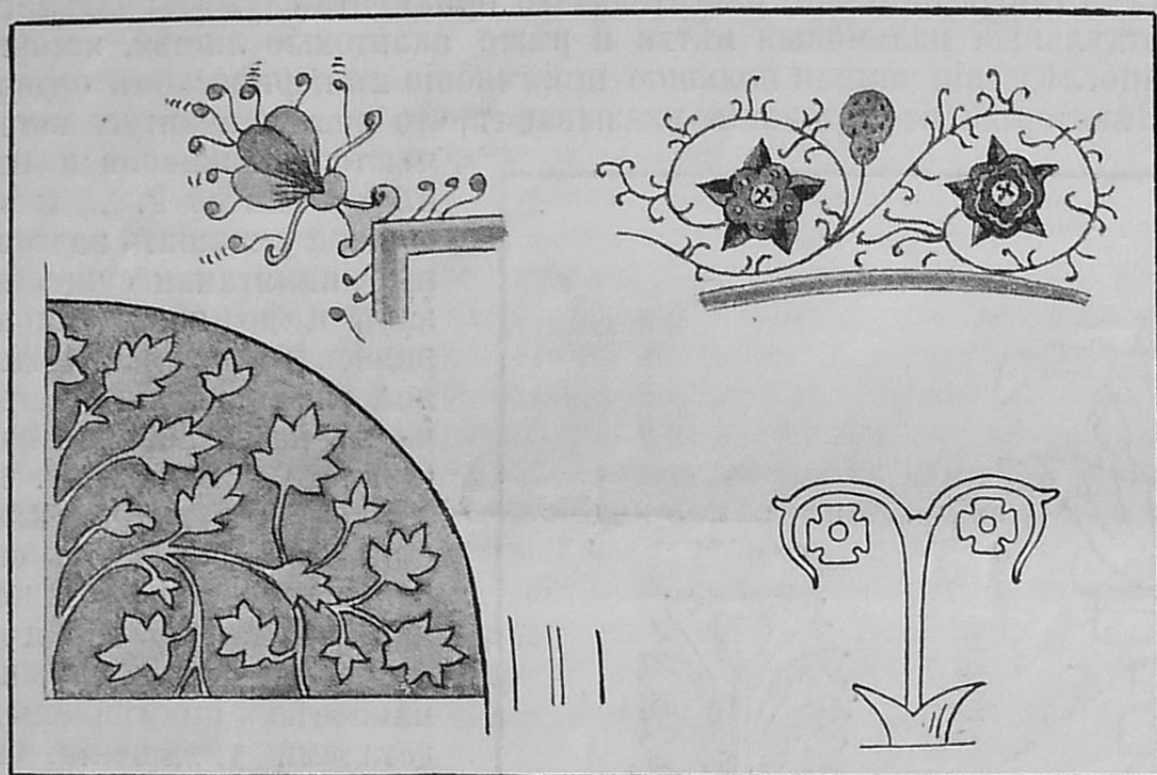

Рис. 6.

отъ восточныхъ, и византійскій орнаментъ заимствовалъ мотивы названныхъ направленій. Въ архитектурныхъ украшеніяхъ встрѣчается акантусъ, плоскіе и отчетливо вырѣзанные листья котораго украсили капители византійскихъ колоннъ. Въ декоративной мозаикѣ, въ миниатюрахъ рукописей, въ узорахъ шелковыхъ тканей и въ ювелирной промышленности характеръ растительныхъ формъ часто вычурный и офантазированный (рис. 6).

Со времени принятія христіанства на Руси вмѣстѣ съ религіей туда проникло византійское искусство, и русскій орнаментъ до XII вѣка носитъ характеръ слѣпнаго подражанія византійскому. Затѣмъ къ нему примѣшиваются элементы западные и восточные, и уже въ XVI и XVII вѣкахъ образуется русскій стиль, полный своеобразной красоты, и орнаментъ изъ растительныхъ элементовъ, довольно оригинальный, покрываетъ стѣны, керамику, предметы домашняго обихода, миниатюры рукописей и вышивки. Элементами орнамента служатъ завитки выющихся растений, фигурные и фантастическіе листья, кисти винограда, плоды (рис. 7).

Ломанья линіи своихъ узоровъ арабы получили отъ коптовъ, и арабскій орнаментъ, состоящій изъ безконечнаго разнообразія

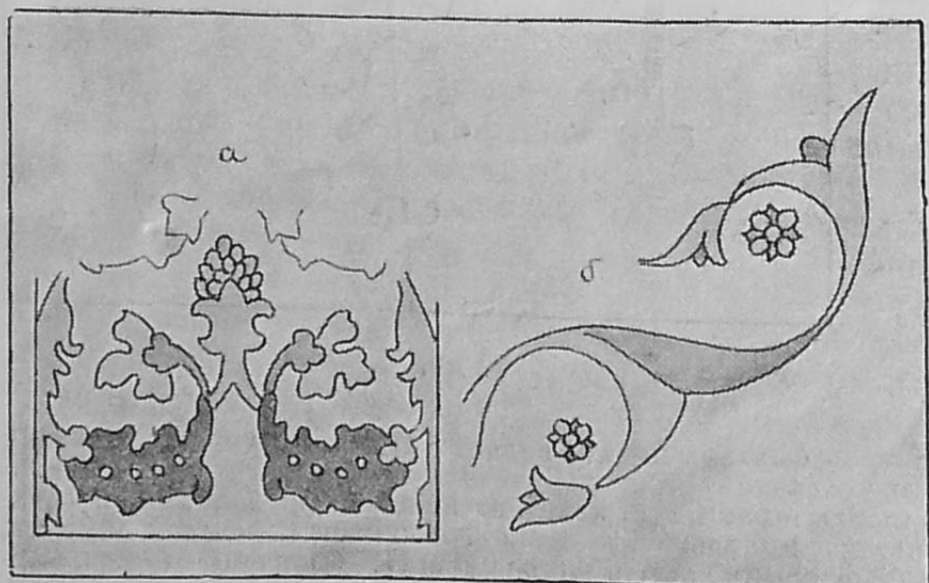

Рис. 7.

пересѣкающихся линій и изломовъ ихъ, главнымъ образомъ геометрической. Но онъ очень часто оживлялся элементами растительнаго міра, и въ него тонко вплетались узоры изъ цвѣтовъ и листьевъ,

большей частью офантазированныхъ. Этотъ изящный и очаровательный рисунокъ покрывалъ предметы художественной промышленности, ткани, ковры и издѣлія ювелирнаго производства

(рис. 8).

На индійскую орнаментку имѣли большое вліяніе арабское и персидское искусство. Индійскій орнаментъ причудливый и вычурный; растительныя формы, встрѣчающіяся въ немъ, фантастичны или передаютъ роскошную флору Индіи; иногда, впрочемъ, можно узнать и болѣе простыя растенія, какъ маки, гвоздику, ноготки, красное дерево, ягоды тутоваго дерева. Цвѣты и листья этихъ растений, собранные большей частью въ пучки или въ характерныя симметричныя группы, составляютъ повторяющійся мотивъ индійскаго орнамента (рис. 9—узоръ на индійскомъ муслинѣ).

Рис. 8.

III.

Романская орнаментка не отличалась самобытностью, вычурныя византійскія изображенія растений, растительные элементы римскаго орнамента перешли въ романскій рисунокъ, и орна-

ментъ принялъ условныя формы этихъ двухъ направлений. Въ архитектурныхъ украшеніяхъ встрѣчается акантовый листъ; другія изображенія растительной флоры украшаютъ въ изобиліи рукописи и композицію цвѣтныхъ оконныхъ стеколъ. Иногда въ этихъ орнаментахъ замѣтны и восточные мотивы.

Только съ половины XII вѣка, съ появленіемъ готическаго искусства, орнаментъ среднихъ вѣковъ освобождается отъ подражаній и, въ противоположность византійскому, обращается къ утилизациі простыхъ, природныхъ формъ мѣстной флоры. Въ скульптурномъ орнаментѣ передаются листья полевыхъ растений: клевера, подорожника, горошка, водосбора (aquilegium); иногда встрѣчаются листья папоротника. Большого развитія достигла листовая орнаментка собора Notre Dame въ Парижѣ. Въ дальнѣйшій періодъ послѣ середины XIII столѣтія предпочитается передача листы древесныхъ и болѣе крупныхъ породъ: листьевъ дубовыхъ, букковыхъ, кленовыхъ, виноградныхъ, капусты, чертополоха и др. Эта листва охватываетъ выступы и карнизы зданій, обвиваетъ капители, группируется на витражахъ (расписныя стекла) и въ декоративной отдѣлкѣ стѣнъ. Формы листьевъ, вѣтокъ, желудей и т. п. передаются съ рѣдкой простотой и естественностью. Только въ миниатюрахъ, заглавныхъ буквѣхъ и виньеткахъ рукописей сохраняется отчасти вычурность растительныхъ формъ византійскаго стиля.

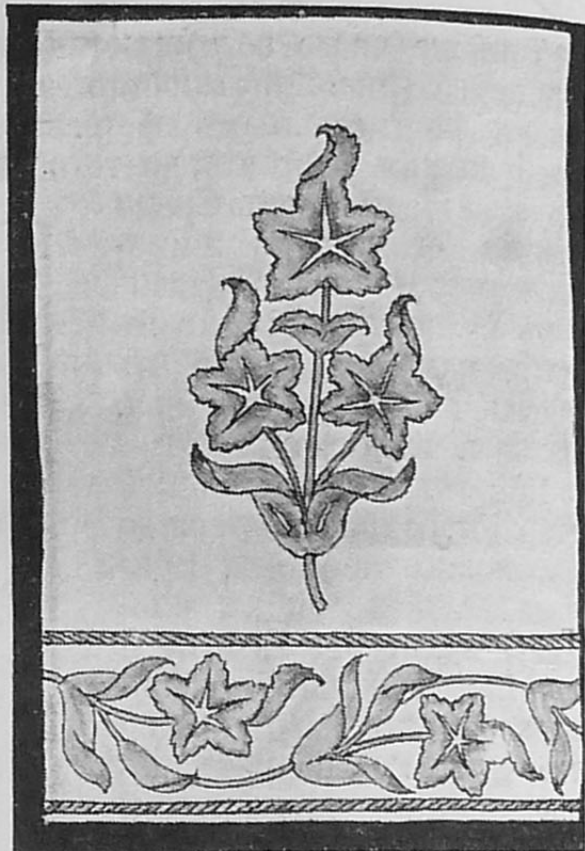

Рис. 9.

Въ позднѣйшій періодъ готики (въ XIV и XV вв.) начинается уклоненіе отъ природныхъ формъ, появляется стилизація, за которой иногда трудно уловить оригиналь. Въ пламенеющей готикѣ растительные элементы принимаютъ вычурный характеръ.

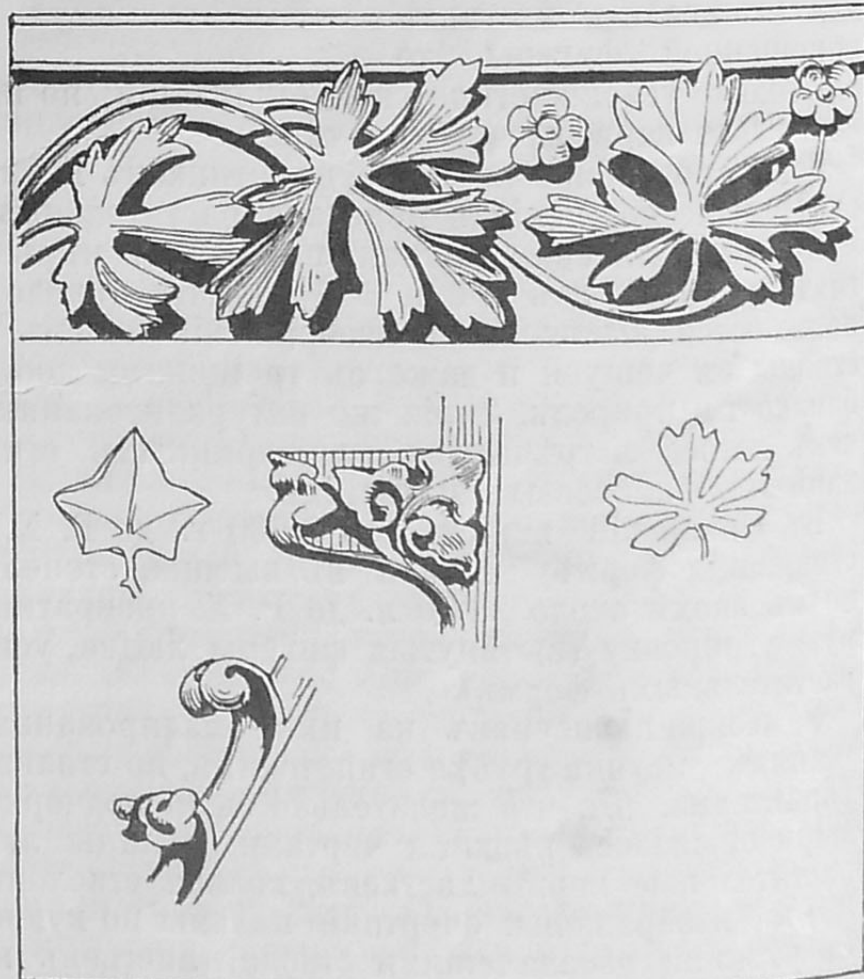

Рис. 10.

Первый период Возрождения не отличается ясностью стиля, в нем еще много средневековой готики, но уже заметно влияние античных форм и отчасти византийского искусства. Орнамент оживляется акантусом римского образца, розетками, поздние гирляндами, вазами с цветами. В частных и пилястр дорического, ионического, а чаще всего коринтского или сложного ордера. Во время расцвета Возрождения растительные формы орнамента принимают простой и благородный характер, и средневековые элементы сглаживаются, чувствуется изучение природы. В украшениях, фресках, в издѣлках безконечное разнообразие орнамента из цветочных гирлянд, листьев и плодов, исполненных в высшей степени художественно и близко к действительности. В разработку орнамента принимают участие величайшие художники: Рафаэль, Корреджио и др. В арабесках Рафаэля в ложах Ватикана разнообразное применение листьев акантуса.

В период Барокко постепенная разработка и комбинация античных форм ведет уже к художественной утрировке и вычурности. Стиль рококо, представляющий видоизменение барокко, достигает наибольшего развития при Людовике XV. Орнамент рококо состоит из завитков, раковин или элементов, весьма отдаленно напоминающих ветви и листья. Причудливые ветки влетают в эти изломы, и все декорируется гирляндами цветов, амурами, колчанами и т. д.

После раскопок Помпей опять замечается возвращение характера орнамента к античным формам, к акантовым листьям и завиткам, пальметам, гирляндам.

Последующая направленность ничего нового не внесла. После стиля Империи в орнамент замечаются повторение прежних форм, общая спутанность и неустойчивость.

Прежде чем перейти к настоящему времени, остановимся

Сплочение тройственного согласия.

(Политическое обозрение).

Говорят, будто бы ложная молва о смерти живого человека служит вѣрнѣйшей примѣтой его долгой жизни на землѣ. Это народное повѣрье, повидимому, оправдывается и в области политической. Сколько раз после каждого свидания монархов немецкія газеты торжественно хоронили франко-русскій союз, а онъ не только не хочет умирать, но упорно продолжает расти и крѣпнуть, судя по тому, что военная конвенція дополняется морской, что политическія выступления правительствъ носят все болѣе согласный характер, а взаимныя посѣщенія государственныхъ людей, какъ, напр., нынѣшній прѣздъ в Петербургъ председателя Совѣта Министровъ г. Пуанкаре, вызываютъ самое горячее общественное сочувствіе в обѣихъ странахъ. Не только много разъ заживо отпѣтый германскими публицистами русско-французскій союз не думаетъ умирать, но вмѣстѣ съ нимъ замѣтно крѣпнеть и тройственное согласіе,—крѣпнеть именно потому, что оно явилось на свѣтъ не какъ праздная выдумка дипломатическихъ канцелярій, а какъ комбинація, подсказанная самою жизнью, властно продиктованная реальною политическою необходимостью, питаемая здоровымъ политическимъ самосознаніемъ и могучимъ инстинктомъ національнаго самосохраненія трехъ великихъ народовъ. Чемъ болѣе стужаются тучи на политическомъ горизонтѣ, чемъ болѣе угрожающую позицію принимаютъ азартныя дипломатическія банкеты, чемъ загадочнѣе и темнѣе становится завтрашній день,—тѣмъ крѣпче дѣлается нашь союзъ съ Франціей, тѣмъ ближе примыкаетъ къ нему Англія, тѣмъ тѣснѣе смыкаются желѣзнымъ кольцомъ военно-морскія силы трехъ державъ. Последнія осложненія на Балканахъ; слишкомъ торопливый разрывъ дипломатическихъ отношеній между Турціей и Черногорією изъ-за ничтожнаго пограничнаго инцидента, уже, впрочемъ улаженнаго; провокаторская работа невѣдомыхъ бомбометателей, убивающихъ десятки мирныхъ людей на македонскихъ базарахъ съ нарочитою цѣлью вызвать антиболгарскій погромъ и замѣшательство въ болгарско-турецкихъ отношеніяхъ; предательскіе совѣты турецкому правительству поскорѣе погасить внутреннія осложненія вѣднѣе борьбою съ Черногорією и Болгарією—какъ-будто бы для отвлечения народнаго вниманія отъ младо-турецкихъ преступленій недостаточной одной войны съ Италіей,—наконецъ поспѣшное передвиженіе новыхъ австрійскихъ корпусовъ къ границамъ Сербіи и Новобазарскаго санджака—все говоритъ о напряженности политической атмосферы. Въ такую минуту яснѣе и опредѣленнѣе вырисовываются фигуры враговъ и невольнѣ крѣпче и душевнѣе становятся рукопожатія друзей. Таковъ психологическій смыслъ торжественнаго визита г. Пуанкаре и горячей встрѣчи его в русской столицѣ. Иностранная печать связываетъ посѣщеніе Россіи главою французскаго правительства съ заключеніемъ военно-морской конвен-

нѣсколько на орнаментѣ японскаго искусства, стоящаго особнякомъ по своему оригинальному воспроизведенію природы и имѣвшему большое влияние на искусство Европы.

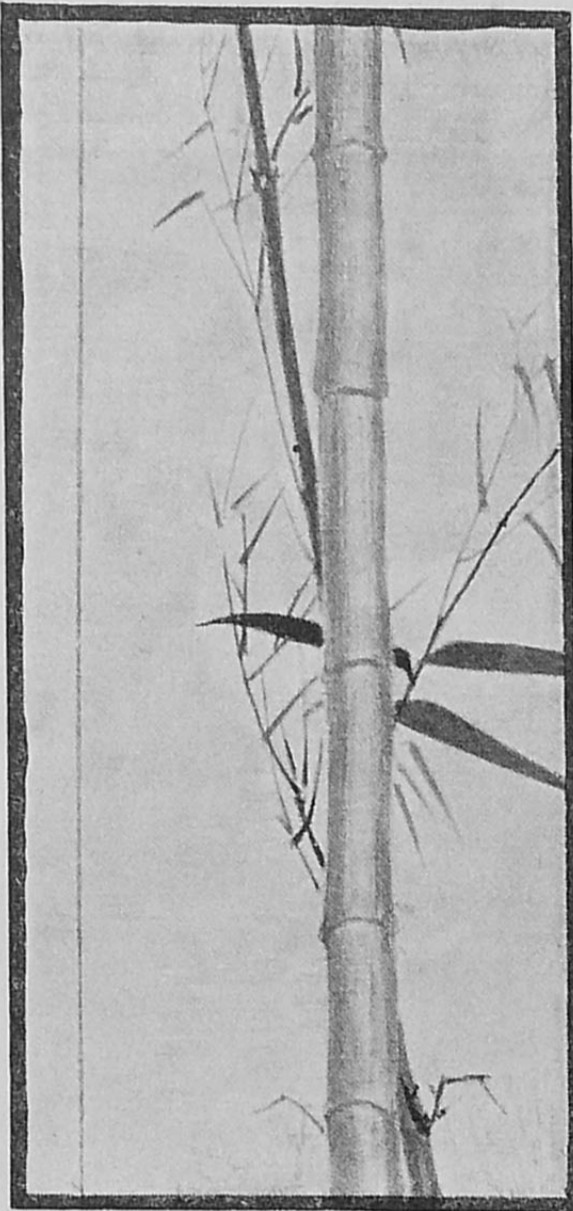

Рис. 11.

Японская орнаментика и декоративная живопись *) заимствовали свои основныя черты отъ Китая, в искусствѣ котораго замѣтно влияние Индіи, но переработали ихъ вполне самостоятельно. Утилизировавъ формы животнаго и растительнаго міра чаще в естественномъ, рѣже в стилизованномъ видѣ, эта орнаментика достигла большого совершенства и можетъ быть признана по своей оригинальности и красотѣ одной изъ первыхъ в мірѣ. В украшенияхъ, разсыпанныхъ на предметахъ домашняго обихода, на тканяхъ, вѣерахъ, посудѣ и т. д., художественно передаются: бамбукъ, вѣтви миндаля и плодовыхъ деревьевъ, словомъ—вся флора Японіи (рис. 11). Способъ передачи растительныхъ формъ у японцевъ совершенно особенный—онъ основанъ на глубокомъ изученіи природы во всѣхъ мелочахъ, но не на копированіи съ природы; это—артистическая выборка всего самаго красиваго и изящнаго съ видѣннаго, переданная съ тонкимъ пониманіемъ, вкусомъ и настроеніемъ.

Цветущая вѣтвь гнется и качается, потому что на нее сѣла маленькая птичка, и часть цветущихъ лепестковъ обрывается и падаетъ внизъ. Вихрь срываетъ съ мотающихся вѣтвей сухія, сморщенные листья. Первый сверкающій снѣгъ живописно осыпалъ голые сучья...

При этомъ рисунокъ обладаетъ эскизностью, той художественной незакоченностью, которая даетъ работу воображенію, и въ которой каждый дополнительный штрихъ будетъ излишнимъ.

Стилизованный японскій орнаментъ встрѣчается чаще всего на предметахъ домашняго обихода—на вазахъ и т. д., и въ этихъ рисункахъ замѣтно влияние Китая и Индіи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ци, съ пересмотромъ трактата о проливахъ, съ рѣшеніемъ вопроса о проведеніи трансъ-индійскаго пути и съ рѣшеніемъ участи Ионическихъ острововъ, захваченныхъ итальянскимъ флотомъ у турокъ. Изъ всей этой чрезвычайно обширной программы вполне своевременнымъ можетъ считаться только пунктъ о морской конвенціи. Приступая къ постройкѣ грандіознаго флота, Россія, какъ участница великой коалиціи, и въ своихъ собственныхъ интересахъ и въ интересахъ своихъ союзниковъ вынуждена согласовать его употребленіе съ общими планами обороны. Пока у Россіи была только сухопутная армія, она ограничивалась военной конвенціей съ Франціей; обзаводясь же флотомъ, она должна дополнить ее конвенціей морской. Несомнѣнно, что этимъ дѣло не можетъ ограничиться, такъ какъ и Англія, сосредоточившая у своихъ береговъ огромный флотъ для защиты отъ неожиданнаго нападенія, не пожелаетъ остаться изолированной и, внимая единодушному голосу всей либеральной прессы, вступить въ опредѣленные соглашенія не только съ Франціей, но также и съ Россіей. Смычка и сплоченіе англо-русскихъ силъ лишаютъ всякаго смысла дальнѣйшія стремленія къ сохраненію обособленнаго положенія Индіи и потому въ ближайшемъ будущемъ заставляютъ ожидать быстрого осуществленія давно назрѣвшаго вопроса о великомъ индійскомъ пути. Вопросъ о правѣ прохода русскихъ военныхъ судовъ черезъ Дарданеллы не ставился на очередь ея нынѣшними союзниками единственно въ силу того, что у нея до сихъ поръ не было флота, а при отсутствіи послѣдняго отмѣна соответствующихъ статей Парижскаго трактата имѣла бы чисто-академическій характеръ. Когда у насъ будетъ мощный флотъ, тогда онъ получитъ и право выхода изъ южныхъ портовъ въ Средиземное море съ согласія и даже по инициативѣ тѣхъ державъ, которыя после Крымской войны лишили насъ этого права, получить, быть-можетъ, и угольные станціи, но пока поднимаютъ вопросъ объ этомъ еще рано. Главною и первою задачею руководителей и русскаго и французскаго правительствъ должна быть въ настоящую тревожную минуту неусыпная забота о сохраненіи европейскаго мира и о дальнѣйшемъ сплоченіи державъ тройственного согласія, стихійный ростъ могущества которыхъ обладаетъ способностью смирить не по разуму воинственныхъ политиковъ, которые готовы въ азартной игрѣ поставить на карту судьбу своего народа и перевернуть міръ въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь на всеевропейскомъ пожарѣ. Вотъ почему привѣтствуемъ главу французскаго правительства не какъ вѣстника войны, а какъ вѣстника мира.

*) Японская живопись вообще носитъ декоративный характеръ, и японскія картины вѣшаются такъ, чтобы онѣ по своему содержанию составляли общую гармонию съ остальной обстановкой: вазами, вѣерами, цвѣтами, ширмами и пр. Такимъ образомъ эти картины играютъ такую же роль, какъ панно, стѣнная живопись на карнизахъ въ Европѣ. Поэтому при перечисленіи мотивовъ японской орнаментики имѣются въ виду также и мотивы японской живописи.

Реформа арендного права.

(Вопросы внутренней жизни).

Русское законодательство при участии народного представительства и по инициативе последнего сделало огромный шаг в смысле расширения прав арендаторов-застройщиков на владельческих землях. 23 июля с. г. получил Высочайшее утверждение новый закон о праве застройки, одобренный палатами. Название его очень мало говорит уму и сердцу недостаточно осведомленного читателя, но практическое значение его для многих труженников земли русской в высшей степени огромно и благотворно.

В этом случае наше законодательство становится на новый путь, по которому так далеко ушла Англия, особенно в последний период, отмеченный смелыми реформами Ллойд-Джоржа. Старый закон о безусловном и неограниченном праве земельной собственности ограждал интересы только одной группы населения — землевладельцев, считался только с ними и в жертву им приносил интересы миллионов людей, живущих на их землях. Но постепенно количество последних умножалось до больших миллионов, закону пришлось считаться и с ними, тем более, что в группах арендаторов, живущих и работающих на владельческих землях, оказались не одни горемычные бедняки, а вместе с ними и владельцы богатейших фабрик, многоэтажных домов и огромных торговых заведений. В России есть целые города в роду Бердичева и поселки, выросшие на частновладельческих землях. Даже добрая треть разросшейся во все стороны Москвы построена на месте бывших подмосковных поместий. С точки зрения безусловного и безграничного права частной земельной собственности и владельцы Бердичева и владельцы окраин Москвы имели бы полную возможность снести многоэтажные дома и здания и снова обратить свою землю под луга и пахоты, но всякий понимает, что подобного рода разгром совершенно недопустим современной цивилизацией. В абсолютизме землевладельческого права есть чисто тамерлановский, глубоко разрушительный начала и перспективы. Они находятся в полном противоречии с разумом и совестью всех народов и с самыми основами всякого общежития. Прогресс законодательства призван обуздать и ограничить антиобщественные, антигосударственные и антикультурные тенденции собственничества и наложить властную руку на слишком большие аппетиты. Такова основная задача культурного законодательства, разрешаемая в разных странах в разной степени полноты и удаче, в зависимости от совершенства законодательных органов и от степени зрелости общественно-государственной мысли. Передовая по своему социальному законодательству Англия, подчиняя интересы землевладельцев верховным интересам государства и народа, облагает незастроенные и неиспользованные пустыри особому, почти карательному, налогу, дбляющему владение ими прямо разорительным для собственника и вынуждающему его или продавать незастроенные участки, или скорее отдавать их в аренду под застройку.

Цинность земли, возрастающая от общего культурного роста местности, как результат работы населения, без всякого труда со стороны самого владельца, в известной степени отчуждается в пользу государства. В случае прекращения аренды, закон обязывает владельца выплатить арендатору стоимость всех улучшений и затрат, сделанных в арендуемом участке. В покровительстве земледельческому труду английское законодательство не отступает даже перед обязательным отчуждением с выкупом земель по оценке их стоимости. Верховные интересы нации и государства должны первенствовать над интересами частных лиц и групп, иначе благоденствие маленькой части пойдет в ущерб благополучию и даже жизни целого, получить недостойный характер социального паразитизма и приве-

дет к общей гибели и распаду. Социальное реформаторство Англии высоко и симпатично тем, что в основу его положены не революционный и разрушительный, а государственно-созидательный и этический принцип. Он глубоко сроден русской душе и русской истории, и нет ничего удивительного, что тот же путь социальных реформ вступает и наше народное представительство, несмотря даже на свой преимущественно владельческий классовый состав.

Смысл нового закона заключается в том, что, независимо от собственности на землю, он признает также и собственность на возведенные на ней строения и придает правовую форму этому новому виду недвижимой собственности. Статья 2-я гласит, что право застройки переходит по наследству, может быть отчуждаемо как добровольно, так и с торгов, завещаемо, обременяемо долгами, а также правами участия частного (сервитутами)... *порядком, определенным для имущества недвижимых*, при чем самые арендные договоры совершаются уже *крепостным порядком* (ст. 26) на срок от 36 до 99 лет, с допущением лишь таких условий, которые не находятся в противоречии с новым правом застройки (ст. 26). В высшей степени важным завоеванием арендатора являются уже сами по себе легализация, узаконение его положения, и продление арендного срока. До сих пор самым продолжительным сроком аренды считалось 12 лет, теперь самый минимальный срок от 36—99 лет. Во множестве поселков, образовавшихся вокруг фабрик и железнодорожных станций, сначала арендные цены на землю были крайне дешевы, но по мере того, как трудами населения ценность земли росла, землевладельцы через каждые 12 лет при возобновлении договоров на

новые сроки неизменно поднимали арендные цены, и арендаторы были вынуждены соглашаться на всякие условия из страха потерять свои постройки и разориться в конце. Заключение договора сразу на 36—99 лет лишает землевладельцев этого способа ростовщической эксплуатации арендаторов. Право застройки имеют лишь лица, пользующиеся правом владения в данной местности. Застройка на крестьянских надельных землях допускается для лиц всех сословий, на укрепленной в личную собственность земли — с согласия владельца, на общественных же землях — с согласия $\frac{2}{3}$ голосов общинного схода.

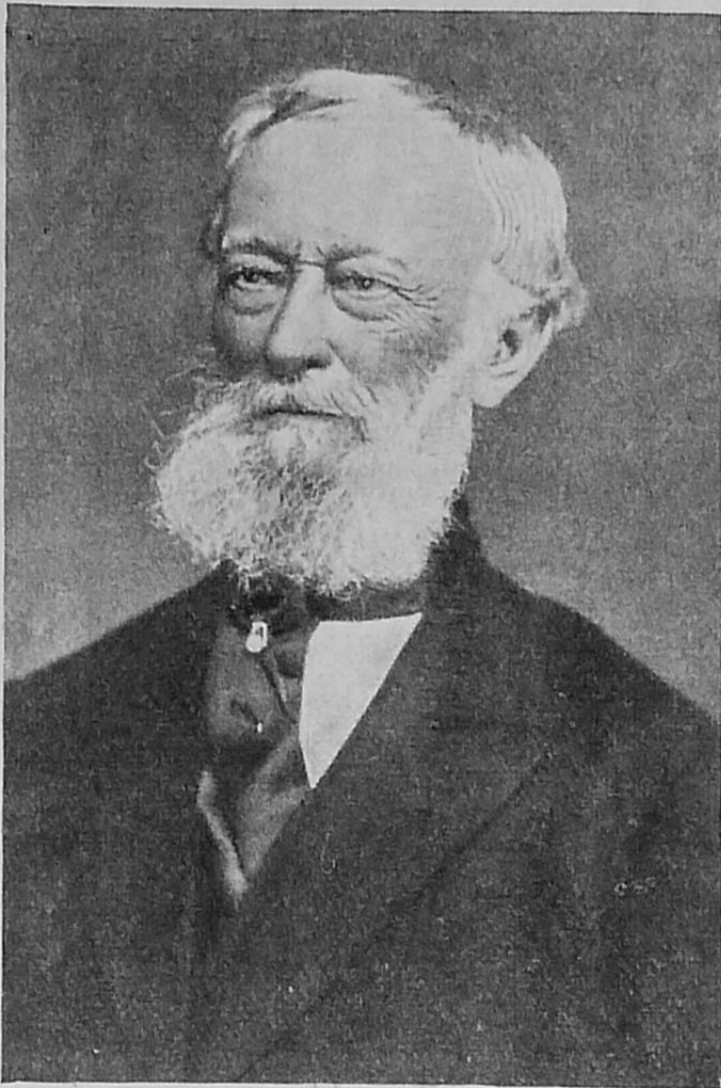
Самыми важными являются статьи нового закона, регулирующие положение нынешних арендаторов, заключивших договоры до издания нового закона. Он дает право арендатору по истечении срока договора требовать от землевладельца возмещения стоимости строений, и суды обязаны удовлетворять это требование, особенно в тех случаях, когда найдут, что, заключая первоначальный договор, стороны имели намерение установить пользование землей под строениями на срок, „продолжительнее определенного договором“, и когда признают, что условия нового договора обременительны для арендатора. Тут уже новый закон вопреки обыкновению получает обратную силу и открыто выступает против сильного на защиту слабого, охраняя интересы многих миллионов мелких арендаторов.

Н. О. Анненский.

(Портр. на стр. 643).

В последних числах июля с. г. близ Куоккала в Финляндии скончался известный публицист и общественный деятель Николай Федорович Анненский.

Имя покойного окружено светлым ореолом всеобщего уважения и искренней любви, которую к нему питали даже люди противоположных убеждений. Преклонный старец (он скончался 70 лет от роду), Н. О. Анненский до последних дней своей жизни оставался вечно юным человеком по своему добродушию и чуждому всяких компромиссов духу и по редкой вдох-

К 100-летию фирмы Круппа. Основатель фирмы Альфред Крупп (1812—1887).

К 100-летию фирмы Круппа. Нынешние владельцы фирмы, г-жа Крупп фон Болен-Гольбах с мужем.

новенности и пылкости своих рѣчей и писаній. Въ кругу лицъ, исповѣдававшихъ одни съ нимъ убѣжденія, Н. О. Анненскій казался въ одно и то же время и учителемъ-пророкомъ и пламеннымъ юношей, которому еще новы „всѣ впечатлѣнья бытія“...

Покойный писатель былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей лѣваго направленія въ нашей журналистикѣ. Въ прежнее время онъ сотрудничалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, а въ послѣдніе годы былъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ „Русскаго Богатства“ и идейнымъ вдохновителемъ всего того журнальнаго и литературнаго кружка, который былъ близокъ къ тому журналу. Долголѣтняя литературная дѣятельность Н. О. Анненскаго была проникнута необычайной чистотой и стойкостью убѣжденій и рѣдкой идеалистичностью сужденій.

Такимъ же идеалистомъ былъ онъ и въ жизни. Онъ искренно вѣрилъ въ прогрессъ, въ великую будущность человечества, въ торжество гуманитарныхъ идеаловъ. Всякая неправда и кривизна жизни оскорбляла его до боли, но не смущала и не выбивала изъ колеи. И, когда нужно было, онъ умѣлъ и дѣйствовать и увлекать за собой другихъ, не задумываясь ни предъ какими послѣдствіями.

Н. О. Анненскій родился и провелъ дѣтскіе годы въ далекой Сибири. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ, а „службу“ началъ въ скромной роли писца въ одной изъ мѣстныхъ канцелярій. Но въ скоромъ времени онъ покинулъ эту службу, переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ вольнослушателемъ въ Петербургскій университетъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ Н. О. Анненскій получилъ отъ Кіевского университета кандидатскую степень и поступилъ на службу въ Государственный Контроль, а позднѣе служилъ въ статистическомъ отдѣлѣ Министерства Путей Сообщенія. Покойный писатель охотно занимался статистикой и прекрасно поставилъ это дѣло въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ земствахъ, въ которыхъ онъ работалъ потомъ, въ болѣе позднее время. Такъ, онъ завѣдывалъ съ 1887 г. по 1895 г. земской статистикой въ Нижегородской губерніи.

Литературная дѣятельность Н. О. Анненскаго протекла преимущественно въ „Русскомъ Богатствѣ“, въ которомъ онъ помѣтилъ множество статей и очерковъ по различнымъ общественно-политическимъ вопросамъ. Помимо этихъ публицистическихъ работъ, покойный Н. О. Анненскій извѣстенъ какъ переводчикъ нѣкоторыхъ капитальныхъ сочиненій: напримѣръ, имъ была переведена „Исторія цивилизаціи въ Германіи“ Шерра, „Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни“ Гольцендорфа и др.

Не удовлетворяясь чисто публицистической, кабинетной, дѣятельностью, Н. О. Анненскій принималъ живое участіе и въ общественной дѣятельности: онъ состоялъ однимъ изъ самыхъ видныхъ и дѣятельныхъ участниковъ въ Литературномъ фондѣ (въ которомъ былъ одно время предсѣдателемъ), въ Союзѣ писателей, въ Вольно-экономическомъ обществѣ и другихъ организаціяхъ.

Его кончина—незабываемая утрата для русской интеллигенціи. Въ лицѣ Н. О. Анненскаго отошелъ изъ этого міра видный писатель и убѣжденный общественный дѣятель.

Столѣтіе фирмы Круппа въ Эссенѣ.

(Съ 2 портр. на стр. 642).

Всякій, кому приходилось проѣзжать по желѣзной дорогѣ между Бременомъ и Кѣльномъ, навѣрное останавливалъ свое вниманіе на своеобразной и немного жуткой картинѣ окрестностей г. Эссена. Днемъ поѣздъ пролетаетъ здѣсь въ облакахъ ѣдкаго дыма—словно предъ нами дымится и тлѣетъ какое-то пожарище. Ночью вездѣ горитъ красный огонь; громадные, причудливо остекленные окна чудовищныхъ фабричныхъ зданій пылаютъ и трепещутъ багровымъ заревомъ, и въ красноватомъ дыму мечутся тѣни людей... Со всѣхъ сторонъ высятся уходящія въ небо трубы. И даже грохотъ поѣзда не заглушаетъ несущагося оттуда визга и гула непрерывной работы... И кажется, что это грохочутъ и бряцаютъ какія-то громадные цѣпи, приковывающія здѣсь человѣка къ тяжелому труду.

Этотъ своеобразный городокъ дыма, фабричнаго гула и багроваго огня—знаменитый, прославленный на весь міръ пушечный заводъ Круппа. Здѣсь вырабатываются и отсюда вывозятся почти во всѣ страны свѣта чудовищныя орудія истребленія, безъ которыхъ все еще не можетъ обходиться цивилизованный міръ... И, какъ это на первый взглядъ ни странно, здѣсь же, въ этомъ багровомъ и зловѣщемъ аду, на этой отчизнѣ смертоносныхъ орудій, царятъ рѣдкая благотворительность и отзывчивость къ человѣческимъ страданіямъ. Всевѣстно извѣстная фирма Круппъ славится своими пушками и... своей благотворительностью. Фабрично-заводскій городокъ Круппа имѣетъ цѣлый рядъ образ-

цовыхъ благотворительныхъ учрежденій для своихъ рабочихъ: пенсіонныя кассы, прекрасныя столовыя, дѣтскіе приюты, ясли и т. п. Но благотворительность владѣльцевъ фирмы Круппа нерѣдко выходитъ далеко за предѣлы фабрики, и можно указать цѣлый рядъ колоссальныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ этой фирмой на различныя государственныя и общественныя нужды, на просвѣщеніе и т. п. Наконецъ всего только на-дняхъ Круппы пожертвовали 14 милліоновъ марокъ (около 7 милліоновъ рублей) въ пользу рабочихъ своихъ заводовъ, а также въ пользу гражданъ города Эссена и солдатъ арміи и флота... Этотъ колоссальный даръ былъ принесенъ въ честь и память столѣтняго юбилея фирмы. 26 іюля с. г. крупповскіе заводы отпраздновали столѣтіе своего существованія.

Главою фирмы былъ Фридрихъ Круппъ, построившій въ Эссенѣ небольшую мастерскую для литья стали съ той цѣлью, чтобы конкурировать съ англичанами и доставить Германіи возможность имѣть собственные стальные фабрикатъ и не зависѣть отъ другихъ странъ. Но Фридрихъ Круппъ оказался неудачникомъ: разразившіеся тогда надъ Германіей ужасы наполеонскихъ войнъ и общій экономическій упадокъ въ странѣ едва не повлекли за собою полной гибели его предпріятія. Онъ впалъ въ долги, заболѣлъ и скончался, оставивъ жену съ четырьмя дѣтьми, изъ которыхъ старшему, Альфреду, было тогда всего 14 лѣтъ. И вотъ этотъ-то мальчикъ и сталъ во главѣ фирмы Крупповъ и сталъ продолжать дѣло отца, не имѣя, по его собственнымъ

словамъ, „ни знаній, ни опыта, ни силъ, ни денегъ, ни кредита“. Этотъ геніальный мальчуганъ въ теченіе долгаго времени питался только картофелемъ и кофе и съ изумительной энергіей велъ свое дѣло... Прошло 25 лѣтъ. Мальчикъ Альфредъ превратился въ зрѣлаго тѣломъ и духомъ Альфреда Круппа—и только тогда онъ могъ вздохнуть свободнѣе: заводъ былъ поставленъ блестяще, сталь отливалась, изумительныя по своей крѣпости и эластичности орудія Круппа, которыя „гремѣли“ (въ буквальномъ смыслѣ) во всѣхъ концахъ Европы, культурное значеніе другихъ крупповскихъ фабрикатовъ (машинъ и пр.) было теперь уже неоспоримо и создало настоящую славу Эссену, и крошечная мастерская съ 3 рабочими превратилась въ цѣлый заводскій городъ, дававшій убѣжище и работу 20.000 рабочихъ.

Альфредъ Круппъ, получившій прозваніе „пушечнаго короля“, пожелалъ оправдать „дѣло разрушенія“ дѣлами созиданія. Онъ организовалъ прекрасныя благотворительныя учрежденія для своихъ рабочихъ и много жертвовалъ во всѣхъ иныхъ направленіяхъ и сферахъ.

Пушечный король Альфредъ Круппъ скончался въ 1887 году, и теперь его дѣло перешло въ руки его нисходящихъ родственниковъ. Блестяще поставленное предпріятіе по-прежнему пользуется всемірной извѣстностью, и Германія по справедливости гордится этимъ національнымъ культурнымъ дѣломъ. На торжествѣ по случаю столѣтія заводовъ Круппа присутствовалъ императоръ германскій и въ своей рѣчи отмѣтилъ связь между ростомъ предпріятія Круппа и общимъ техническимъ и государственнымъ прогрессомъ Германіи. И пожаловалъ нынѣшнему главѣ фирмы, зятю покойнаго Альфреда Круппа, фонъ-Болену, званіе министра...

Н. О. Анненскій, извѣстный публицистъ.

Къ рисункамъ.

Изящная дѣтская фигурка на картинѣ В. Бугро „Реверансъ“ проникнута неподдѣльной граціей дѣтства и той тонкой прелестью, которая свойственна всѣмъ дѣтскимъ и женскимъ типамъ, изображаемымъ кистью талантливаго французскаго художника.

Выставка „Товарищества художниковъ“ изобиловала въ текущемъ году прекрасными пейзажами. Такія поэтически-красивыя мѣстности, какъ Крымъ, Норвегія, побережья Франціи и идиллически-тихія равнины и лѣса нашей родины, нашли для себя художественно-красивыя отраженія въ картинахъ І. Крачковскаго („Восходъ солнца“, „Весна въ Крыму“), И. Шультце („Проясняется“), А. Ганзенъ („Побережье Belle île“), А. Писемскаго („Осеннее утро“) и др. Интересный образъ далъ М. Пелевинъ на картинѣ котораго—„Соколъ въ клеткѣ“—мы видимъ энергичную молодую женщину, насильственно вырванную изъ жизни и заточенную въ монастырь. На грустныхъ воспоминанія наводитъ картина И. Владимірова—„На посту въ Манчжуріи“: русскій казакъ прислонился къ пьедесталу китайскаго божка на вершинѣ зеленой сопки и задумчиво сматривъ вдаль, быть-можетъ, вспоминая родину. Обращали далѣе на себя вниманіе на описываемой выставкѣ эффектные портреты работы В. Штемберга и столько же эффектные цвѣты и вообще nature morte Великой Княгини Викторіи Феодоровны („Васильки“ и др.).

Рисунок Н. Самокиша „На валахъ Смоленска“ (5 и 6 августа 1812 г.) иллюстрируетъ одну изъ славныхъ и кровавыхъ страницъ въ исторіи этого древняго и многострадальнаго города — сраженіе подъ его стѣнами 5—6 августа 1812 года. Вотъ что говорить по этому поводу исторія Отечественной войны:

„Къ утру 5 августа французская армія сосредоточилась у Смоленска и охватила его широкой дугой. Бой завязался въ 8 часовъ утра и продолжался до глубокаго вечера. Несмотря на жестокою канонаду и отчаянныя атаки французовъ, русскія войска подь командой генерала Дохтурова стойко продержались въ городѣ и отбили штурмъ. Стойкость защитниковъ дала возможность главной русской арміи вытянуться на Московскую дорогу. Наполеонъ потерялъ подь Смоленскомъ до 12.000 своихъ солдатъ безъ всякихъ результатовъ для себя, если не считать того, что русскія войска все-таки отступили отъ Смоленска даже и послѣ удачной защиты — и открыли французамъ дальнѣйшій путь къ первопрестольной столицѣ“.

Новый православный соборъ во имя св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго въ Варшавѣ, заложенный въ 1894 г. и освященный весною этого года.

СМѢСЬ.

Укротители змѣй. Одинъ англичанинъ, долго жившій въ Индіи, имѣлъ случай наблюдать удивительные фокусы, которые исполняютъ индусы, укротители змѣй. Обычно они носятъ змѣй съ собою и показываютъ всѣ свои штуки надъ этими змѣями. Но наблюдатели могутъ думать, что эти змѣи либо приручены хозяевами, либо какими-нибудь способами обезврежены, и такимъ образомъ обращеніе съ ними не можетъ представлять никакой опасности. Англичанинъ пожелалъ удостовѣриться въ томъ, что индусы-укротители обладаютъ средствами очаровывать дикихъ змѣй, т. е. такихъ, надъ которыми они не имѣли возможности исполнить никакихъ предохранительныхъ операций. Однажды къ нему пришли два укротителя змѣй, и онъ предложилъ имъ произвести опытъ надъ дикими змѣями. А какъ-разъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ онъ видѣлъ у себя въ саду черную кобру. — одну изъ самыхъ ядовитыхъ змѣй Индіи. Онъ видѣлъ, какъ эта змѣя вползла въ муравейникъ, который былъ у него въ саду. Когда онъ разсказалъ объ этомъ индусамъ-укроти-

телямъ, они изъявили полное согласіе на экспериментъ. Они подошли къ муравейнику, присѣли на землю около него, и одинъ изъ нихъ заигралъ на дудочкѣ, звуками которой они обыкновенно укрощаютъ змѣй. И вотъ черезъ нѣсколько мгновений изъ муравейника показалась голова страшной змѣи. Одинъ изъ укротителей очень ловко схватилъ ее двумя пальцами за шею позади головы, такъ что она не могла нанести ему вреда своими зубами. Держа змѣю одной рукой, онъ другою рукою постукивалъ по ее головѣ какимъ-то бѣлымъ порошкомъ. Змѣя сначала отчаянно билась и извивалась, стараясь вырваться, но мало-по-малу покорилась и стала дѣлать плавныя движенія, какія дѣлаютъ ручныя змѣи при звукахъ дудочки.

При этомъ англичанинъ спросилъ индусовъ, что они дѣлаютъ, если змѣя ихъ укусила? Индусы отвѣтили, что они нисколько ихъ не боятся, потому что у нихъ есть вѣрное средство противъ змѣянаго яда.

Тогда англичанинъ предложилъ индусу за хорошую плату сдѣлать рискованный

опытъ — подставить змѣѣ палецъ, чтобы она его укусила. Индусъ въ ту же минуту, прежде чѣмъ любопытный англичанинъ могъ его удержать, вложилъ палецъ въ пасть змѣи. Когда онъ вынулъ палецъ изъ пасти гады, на немъ ясно виднѣлись двѣ кровавыя точки — слѣды ядовитыхъ зубовъ змѣи.

Тогда онъ передалъ змѣю своему товарищу, и тотъ преспокойно уложилъ ее въ корзину вмѣстѣ съ другими змѣями. Укушенный же вынулъ изъ кармана жженую кость, которую укротители называютъ „змѣинымъ камнемъ“, и приложилъ къ укушенному мѣсту. Укушенный палецъ, сильно распухшій, началъ понемногу опадать. Черезъ нѣсколько минутъ индусъ снялъ съ пальца эту косточку и объявилъ, что весь ядъ теперь вытянуло изъ ранъ. Онъ попросилъ, чтобы ему дали молока, и бросилъ косточку въ молоко; жидкость забурлила и запузырилась, какъ это бываетъ обыкновенно при погруженіи въ нее пористаго тѣла. Черезъ нѣсколько времени на поверхности молока появился тонкій слой желтоватой маслянистой жидкости. Англичанинъ приказалъ принести цыпленка, сдѣлалъ у него на тѣлѣ небольшую парашу и смочилъ ее этой жидкостью, всплывшей на молоко. Черезъ десять минутъ цыпленокъ погибъ со всѣми признаками отравленія змѣинымъ ядомъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разерочки, подписная плата за „Ниву“ 1912 года должна быть внесена полностью къ 1-му августа сего года. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться немедленно присылкою остальной причитающейся съ нихъ суммы. При высылкѣ денегъ гг. иногородніе подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Морлоки. Разсказъ Ю. Волина. — Стихотвореніе Аллы Делормъ. — Дядя Федя. Разсказъ Е. М. Вогюэ. — Сказки Мариюкъ. Изъ альбома Т. Щепкиной-Куперникъ. — Растительный мѣръ и орнаментъ. Очеркъ В. Н. Н. — Сплоченіе тройственнаго согласія (Политическое обозрѣніе). — Реформа аренднаго права (Вопросы внутренней жизни). — Н. О. Анненскій. — Столѣтіе фирмы Круппа въ Эссенѣ. — Къ рисункамъ. — Смѣсь — Заявленіе. — Объявленія. Р И С У Н К И: Реверансъ. — Выставка картинъ товарищества художниковъ. (11 рис.) — На валахъ Смоленска (5 и 6 Августа 1812 г.). — Растительный мѣръ и орнаментъ (11 рис.). — Къ 100-лѣтію фирмы Круппа въ Эссенѣ (2 рис.). — Н. О. Анненскій. — Новый православный соборъ во имя св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 13.

"GILLETTE"
 (ЖИЛЛЕТЪ)
БРИТВЕННЫЙ АППАРАТЪ
 съ СОГНУТЫМЪ лезвиемъ
 НЕ НАДО ПРАВИТЬ И ТОЧИТЬ!

Сохраняйте вашу красоту и молодость

посредствомъ аппарата „АФРО“ системы Д-ра Гарлана, разр. Варш. врач. упр. за № 10261. Ни одна дама, обладающая этимъ гениальнымъ изобрѣтеніемъ, не должна бояться прыщей, угрей, морщинъ и т. п. недостатковъ кожи. При помощи аппарата „АФРО“ прыщи пропадаютъ въ большинствѣ случаевъ черезъ 60 секундъ, угри черезъ нѣсколько дней. Провалы на щекахъ заглаживаются, руки, шея округляются, морщины и складки на лбу, подъ глазами совершенно сглаживаются и все это поразительно быстро. Аппаратъ „АФРО“ дѣлаетъ тѣло свѣжимъ, крѣпкимъ, упругимъ, а кожу дѣвической, атласной, мягкой. Также для мужчинъ. Цѣна аппарата съ брошюрой и способъ употр. 2 р., нал. плат. 25 коп. дороже. О-во „Меркурій“, Лодзь. Л. 14.

37057

ДРАГОЦѢННАЯ КНИГА ДАРОМЪ!

Сообщите мнѣ свой адресъ, и я вышлю Вамъ для ознакомленія **БЕЗПЛАТНО** (не присылайте ни денегъ ни марокъ) свой **КРАТКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ ГИПНОТИЗМА, ХИРОМАНТИИ, ФИЗИОГНОМИКИ, ФРЕНОЛОГИИ, ГРАФОЛОГИИ и АСТРОЛОГИИ** съ рисунками и текстомъ. По этой книгѣ Вы узнаете много **УДИВИТЕЛЬНОГО, НОВАГО и ВАЖНАГО** о себѣ лично, о близкихъ, друзей и знакомыхъ. По ней легко опредѣлить **ХАРАКТЕРЪ, ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ.** Адресуйте:

Психо-Френологу **Х. ШИЛЛЕРУ-ШКОЛЬНИКУ** Варшава, Пенкная, 25. Отд. 44.

НЕ НА СЛОВАХЪ, А НА ДѢЛѢ.
 Наше предложеніе зарабатывать 50, 100 и болѣе руб. въ мѣс. вполне солидно и серьезно. Этого можетъ достигнуть всякій, кто трудолюбивъ, круглый годъ работая у себя на доу на нашихъ Авто-вязальныхъ машинахъ. Вяжутъ все, познанія не нужны, разстоян. не важно. Треб. нашъ бесплатный просп., онъ сообщитъ Вамъ всѣ подробности. Т-во вязальн. машинъ Томасъ Г. Виттикъ Кюнау и К. Спбургъ, Вознесенск. 21. — 23.

37072

Kyffhäuser Technikum Frankenhau-
 sen (Германія). Электр., машиностр., же-
 лѣзостр., архитект. I Политехническій
 30150 Институтъ сельско-хоз. машинъ. 17-10
 Больш. машин. лаборат.

ОПТОВ. СКЛ. ХУДОЖЕСТВЕН. ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ

И. И. Розовскаго, СПБ., 10 рота, № 10/4.
 Выс. гл. торговцамъ пр-курантъ бесплатно.
 Цѣны крайне дешевыя. 37115

СЪМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ А. Б. Мейеръ

37059 въ Москвѣ, 3-3
 Мясницкая ул., № 45.
 Богато иллюстр. каталогъ цвѣт-
 точн. луковичъ, какъ-то: **ПА-**
ЦИНТОВЪ, ТЮЛЬПАНОВЪ,
НАРЦИССОВЪ и проч., вы-
 сылается бесплатно.
 Имѣется большой запасъ разл.
 зимующ. цвѣтущ. растений.
 Горшечн. розы, растенія землян-
 ники и проч. и проч.

Состоятся
 подъ августѣйшимъ
 покровительствомъ государя императора
АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВИЧА

для сбора
 пожертвобакій на
 ремесленное
 образование
 бѣдныхъ дѣтей
ПРОСИТЬ
 всѣхъ жертвовать
НЕНУЖНЫЯ
ВЕЩИ
 обременяющія
 всякое
 хозяйство
СОБИРАЕТЪ ТОЛЬКО ТО.
ЧТО НИКОМУ НЕ НУЖНО.

Тел. 13-60.
 Просить ничего не снимать и ничего не бросать въ мусорный ямы, все будетъ принято съ благодарностью.
 По каждому требованію присылаетъ артель-
 щина, который обязанъ жертвователю выдавать квитанцію, какъ бы мало пожертвование не было.
 Тарасовъ пер., 26-а.

90 руб.
 въ мѣсяць

заработка для всѣхъ при удобной домашней работѣ. Разстояніе не мѣшаетъ. Условія высылаемъ бесплатно (2)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ, Варшава, Новгородская, 9—12.

РУЖЬЯ
 охотничьи первоклассной пражской работы рекомендуетъ
И. НОВОТНЫЙ
 оружейный заводъ. (2)
 Прага чешская (Австрія).
 Прейсъ-курантъ высыл. бесплатно.

КРЕМЪ МЕТАМОРФОЗА
 совершенно удаляетъ **ВЕСНУШКИ** и **ЗАГАРЪ**
 Т-во провизора **А. М. ОСТРОУМОВА**
 ПРОДАЖА ВСЮДУ.

ОБУЧЕНІЕ ГАЗЕТНОМУ и ЖУРНАЛЬНОМУ ТРУДУ (статьи, корресп. и пр.) ЗАОЧНО, обезп. раб. въ газетѣ, побочн. зараб. всякому, подробныя свѣдѣнія требуйте бесплатно. Адресъ: Редакція журн. „СОТРУДНИКЪ“ ПЕЧАТИ“, С.-Петербургъ, Коломенская, 27—5. 2-2

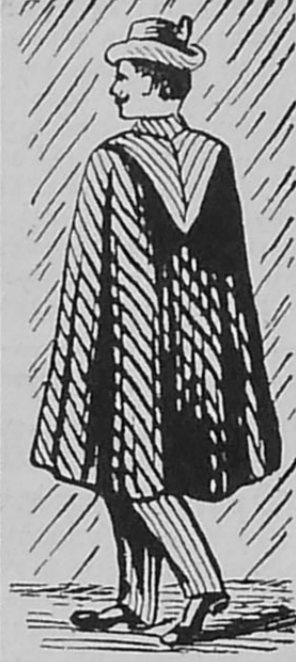
„Что должно знать КАЖДОЙ ЖЕНЩИНѢ“

(Энциклопедія знаній, необходимыхъ во всѣхъ проявленіяхъ интимн. жизни женщины). Большой томъ, 525 стр. Цѣна 2 руб. съ перес. МОСКВА, близъ Храма Спасителя. 37043

Книжный складъ **БЫКОВА.** 37109

100—400 руб. въ мѣсяць
 можетъ каждый вездѣ легко заработать, научивш. по моему руковод. и рецпт. приготовл. новоизобр. шампанск. газиров. квасъ, который по своему тонк., приятн. вкусу, вѣжн. аромату и крѣпости газа лучше всѣхъ прохладит. напиток., сельтерск. водъ и лимонадовъ. Бут. себѣ обход. 1/2 к. и прод. всюду по 5—10 к. Для дѣла и обзавед. нужны всего руб. 15. Материалъ имѣется всюду. За обуч. взимаю всего 6 р., получ. 2 р. задатка высыл. руковод. и рецпты съ нал. плат. на остатокъ. Адресъ: Одесса, № 43, заводъ газиров. кваса Х. Когона.

Непромокаемая накидка за 3 р.

съ капюшономъ изъ „Гротоллина“ черн. цвѣта для мужчинъ и женщинъ, весьма изящна и незаменима въ дорогѣ, для спорта, охоты и т. д., годна для всякаго времени года. Высылается нал. плат. безъ задатка. 2 шт. 5 руб. 60 к., 3 шт. 7 руб. 80 к., 5 шт. 12 руб. 50 к.; за пересылку отъ 1—5 шт. присчитывается 55 к., въ Сибирь 95 к. Если не понравится, принимаемъ обратно и возвращаемъ деньги. Торг. Домъ Бр. Любка, Лодзь, Л. 2. Требуются 37086 перепродавцы. 2-2

ЦВѢТОЧНЫЯ ЛУКОВИЦЫ
 ИЗЪ ПЕРВЫХЪ РУКЪ
 ОТЪ ПРОИЗВОДИТЕЛЯ!

Новый иллюстр. каталогъ съ интересными новинками и наставленіями высылается бесплатно.

АКЦ. ОБЩ. М. ФАНЪ ВАВЕРЕНЪ И С-ВЯ
 Обширныя собств. культуры цвѣточн. луковичъ и сѣмянъ въ Гиллемогъ (Голландія). Отдѣленіе для Россіи: **СПБ.,** Загородный пр., 31. (Телефонъ № 562-80).

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ.
Я ВДВОЕ СИЛЬНѢЕ,
 чѣмъ былъ когда-либо. ТАКИЯ ПИСЬМА ПОЛУЧАЮТСЯ НАМИ ЕЖЕДНЕВНО И ХРАНЯТСЯ ТЫСЯЧАМИ.
МУЖЧИНЫ!

если Вы страдаете **ОБЩЕЮ и ПОЛОВОЮ СЛАБОСТЬЮ, ОНАНИЗМОМЪ** и его послѣдствіями, **РОБОСТЬЮ, СЛАБОЮ ПАМЯТЬЮ,** послѣдствіями венерическихъ болѣзней, **БЕЗСОННИЦЕЮ,** головными болями, если Вы **НЕРВНЫ, РАЗДРАЖИТЕЛЬНЫ, ПЕРЕУТОМЛЕННЫ**—потребуйте немедленно открытой нашу книгу. Она объяснитъ Вамъ причину Вашихъ страданій и укажетъ правильный путь къ ихъ устраненію. Корреспонденція сохраняется въ строжайшей тайнѣ. Высылается въ закрыт. конвертѣ безъ фирмы **БЕЗПЛАТНО.** Требованія адресовать: **Россійско-Американскому Аптекарскому Т-ву** отд. 17, С.-Петербургъ, Почтов. ящ. № 371.

ДОБЫВАЙТЕ ТОВАРЪ ИЗЪ ПЕРВАГО ИСТОЧНИКА.

625 буквъ 1 руб. 70 коп. за

ДОМАШНЯЯ ТИПОГРАФІЯ.

Должна находиться въ каждомъ домѣ. Она необходима каждому. Съ помощью домашней типографіи каждый можетъ печатать бланки, конверты, визитныя карточки и т. п. Цѣна полнаго комплекта съ 625 буквами, цифрами и знаками въ изящной коробкѣ только 1 р. 70 коп. 1000 буквъ—3 рубля, 1500 буквъ—4 р. 35 к. Прилагается бесплатно: 1) передвижной штемпель-календарь на 10 лѣтъ или нумераторъ, необходимый во всякихъ частныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ; 2) флаконъ хорошей краски. Высыл. налож. платежомъ и безъ задатка. Пересылка и упаковка—40 коп., въ Сибирь на 30 к. дороже. Адрес.: Представителю Н. Ривинъ, Варшава, Центральная, 389—20. 37124

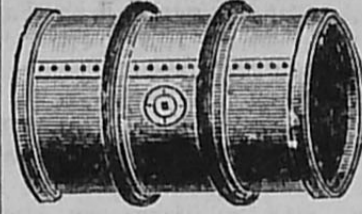

ЛЬГОТНЫЕ ЗАОЧН. КУРСЫ ДВОИМ. ИТАЛ. БУХГАЛТЕРІИ.

Курсы сущ. съ 1890 г. Удостоены высш. наград. Входятъ всѣ отрасли счетоводства. Полное банковое, дробн. прост., десят. коммерч. ариѳм., корреспонд., каллиграфія (исправлен. почерка). Гарант. за успѣхъ Подготовленіе не треб. Выдается аттестатъ бухгалтера. Курсъ проход. отъ 2-хъ до 4-хъ мѣс. Конспекты требуютъ бесплатно. Адр.: Полтава, ЗАОЧН. курсы: Коммерческое образованіе, Гоголев. 36.

Ни хищеній! Ни утечки! Ни ремонта!

БОЧКИ ручной не пневматической склепки.

Желѣзные, луженныя, оцинкованныя для перевозкы и хранения всевозможныхъ жидкостей и газовъ. Изготовляются высшаго качества и безукоризненнаго исполненія заводъ

Г. РЮЛИНГЪ, (17) Тел. 65-56. Москва, Мясницкая, уг. Злат. пер. Прейсъ-курантъ бесплатно.

Сюрпризъ рукодѣльницамъ! Вышивальная машинка. Даже дѣти быстро научатся вышивать чудные цѣты, узоры и моногр., ц. 2 р. 85 к. Штопальный аппаратъ облегчаетъ штопку чулокъ 1 р. 80 к. Е. Бородинская, Симферополь. 37125

Много денегъ зарабатывать можетъ всякій всюду и вездѣ, научившись выдѣл. мыло и лампадное масло въ какихъ угодно пропорц., безъ завед. и устр., только по моему руковод. и рецепт. Товаръ обход. на 50% дешевле. Высш. нагр. и медали на русск. и иностр. выставк. Треб. также агенты для продажы мыла и масла моего завода. Подр. просп.-книжку высыл. за 1 семикоп. мар. Адресъ: Одесса, № 49, мыловаренный заводъ Х. Когона. 37105 4-2

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылаются бесплатно проспекты, указывающіе путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Бутырки, Сергѣевскій пер., домъ № 9, кв. 4. П. КОМИСАРЕНКО.

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, СПБ., ул. Гоголя, 22.

Классныя картины для нагляднаго обученія въ размѣрѣ 20 1/2 X 27 1/2 вершковъ, отпечатанныя въ 15 красокъ. Составлены и нарисованы А. Ф. Федоровымъ. Имѣются двѣ картины: 1) Обстановка магазина. 2) Обстановка дома. Цѣна каждой картины, наклеенной на холстъ, 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Статистическій ежегодникъ по сравненію тѣльной культуры началъ XX вѣка. (Съ прилож. статистическихъ диаграммъ и примѣрныхъ задачъ по статистикѣ). Сост. Баронъ Н. Н. Торнау. Цѣна въ папкѣ 60 к., съ перес. 80 к.

Руководство къ РАЗВЕДЕНІЮ ШАМПИНЬОНОВЪ. Составл. Г. Ределинъ. Съ 25-ю рис. Настоящее руководство указываетъ, какъ можно заниматься искусственнымъ выращиваніемъ шампиньоновъ. 102 стр., въ 16 д. листа. Цѣна 50 к., съ перес. 60 к.

Состоящ. въ вѣдѣніи ИМПЕРАТОРСКАГО Русск. техн. О-ва.

С.-Петербургскіе желѣзно-дорожные курсы.

Существуютъ съ 1903 года. Подготавливаютъ для службы на желѣзныхъ дорогахъ какъ станціонныхъ агентовъ по технич. и коммерч. движенію и телеграфу, такъ и агентовъ для Исполненій и Управленій ж. д. по службѣ сборовъ и по коммерч. части. Дѣйствительн. слушателями принимаются лица мужск. пола не моложе 16 лѣтъ, окончивш. курсъ училища, прог. коихъ не ниже Городск. учил. М. Н. П. по положенію 1872 г., и лица женск. пола не моложе 18 лѣтъ, окончившія средн. уч. зав. Лица съ меньшимъ образовательнымъ цензомъ принимаются вольнослушателями на основаніи особыхъ правилъ. Занятія вечернія, практическія же—могутъ быть и дневныя. Курсъ обученія одногодичный съ 1-го по 1-е октября, вмѣстѣ съ трехмѣсячной лѣтней практикой, по возможности, на жел. дор. Совѣтъ курсовъ ходатайствуетъ о распредѣленіи успѣшно окончившихъ курсы на жел.-дор. службу. Плата 150 р. вносится по полугодіямъ. Прошенія подаются заблаговременно. Подробныя свѣдѣнія объ условіяхъ пріема на курсы и прохожденія курса выдаются въ Канцеляріи Курсовъ. С.-Петербургъ, Бронницкая ул., д. № 7, или высылаются за двѣ 7 коп. марки.

10 РУБЛЕЙ ЕЖЕДНЕВНО. Легкій заработокъ лицамъ обоюдопола. Пришлите Вашъ адр. Торг. Дому Бр. Любка, Лодзь, отд. № 6.

За 90 коп. (русс. сб. мар.) высылаю на русск. яз. секретъ честнаго выигрыша въ любой карточной игрѣ. Адр.: Paris. Bureau, 21 (pos. res.). M. Edurlene.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-Петербургъ, ул. Гоголя, 22.

БОЛЬШОЙ ВСЕМИРНЫЙ АТЛАСЪ МАРКСА. Подъ ред. Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальского. 62 главныхъ, 160 дополн. картъ на 55 больш. двойн. таблицахъ in-folio. Съ прилож. пояснит. текста къ 8 картамъ по климатологии, составлен. проф. В. Бебберомъ и В. Кеппеномъ, и полнаго алфавитнаго указателя, содержащаго около 130.000 географ. названій, помѣщенныхъ въ атласѣ, съ обознач. мѣста нахождения кажд. названія. Цѣна 15 р., съ перес. 16 р.; въ переплетѣ съ кож. корешк.—20 р., съ перес. 21 р.

Учебный Географ. Атласъ, составленный проф. Э. Ю. Петри. 49 главныхъ картъ, 140 дополн. картъ и чертежей на 48 таблицъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ папкѣ 2 р. 35 к., съ перес. 2 р. 90 к.; въ перепл. 2 р. 60 к., съ перес. 3 р. 20 к.

Купень, Анри. „причудливыя животныя“. Съ 211 рис. въ текстѣ. Пер. съ франц. женщины-врача Е. Д. Вургафтъ. Изящно изд. книга, 447 стр. больш. 8°, отпечатанная на прекрасн. бумагѣ. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ перепл. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

„Звѣздный атласъ“ К. Д. Полюновскаго, для всеобщаго ознакомленія съ небомъ и систематич. наблюденій. 13 картъ, 2 таблицы и 15 сѣтокъ. Съ объяснит. текстомъ и 5-ю рисунками. Цѣна атласа въ папкѣ 3 р. 50 к., съ перес. 4 руб.

Покровскій, К. Д. „ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НЕБУ“. Практическое руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ невооруженнымъ глазомъ и малой трубой. 3-е издание. Съ 5 картами звѣзднаго неба, картою луны, 110 рисунк. и 2 хромофотографіями: карта Марса и лунное затмѣніе. Изящно издан. книга. 290 стр. in 8°. Учен. Ком. М. Н. П. рекомендовано для библиотекъ основныхъ и учен., старшаго возраста, всѣхъ среднихъ учебн. заведеній, а также для подарковъ ученикамъ. За эту книгу автору присуждены: премія Императора Николая Александровича отъ Русск. Астрономич. общ. и малая премія Императора Петра Великаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ переплетѣ 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Die Firma Vogt & Meier. Leit-faden für den Deutschen Unterricht in Handelsschulen, Commerzschulen, Abendclassen, Fortbildungsschulen etc. von AD. FEDOROW. 2-е издание. Въ основу руководства положены принципы нагляднаго обученія. Къ руководству приложена уменьшенная копія съ большою классною картиною для нагляднаго обученія, изображающей полную обстановку магазина. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Марксъ, А. Ф. ГЕОГРАФИЧ. И СТАТИСТИЧ. КАРМАННЫЙ АТЛАСЪ РОССИИ. 17 географич. картъ, 29 диаграммъ, исполненныхъ въ нѣсколько красокъ, и множество статистическихъ таблицъ на 172 страницахъ. Цѣна атласа въ коленкор. перепл. 2 руб., съ перес. 2 р. 30 к.

Всеобщій Географическій и статистическій карманный атласъ проф. А. Л. Гикмана и А. Ф. Маркса. 68 таблицъ съ картами и диаграммами, 74 стр. объяснительн. текста, in 8°. Подобной полезной и необходимой для каждого справочной книги у насъ до сего времени не было, а по своей полнотѣ и наглядности атласъ выходитъ далеко за предѣлы только справочнаго изданія, — онъ имѣетъ безусловное образовательное значеніе для самаго широкаго круга читателей. Цѣна Атласа въ перепл. 2 руб., съ перес. 2 р. 30 к.

Торнау, Н. 1) УЧЕБНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АТЛАСЪ (по Всеобщей Исторіи), въ 3-хъ отдѣльныхъ частяхъ: Ч. I. Древняя исторія. 25 картъ съ текст. и указ. 11 изд. Цѣна въ папкѣ 60 коп. Ч. II. Средняя исторія. 29 картъ съ текст. и указ. 9 изд. Цѣна въ папкѣ 60 коп. Ч. III. Новая исторія. 23 карты съ текст. и указ. 8 изд. Цѣна въ папкѣ 55 коп. 2) УЧЕБНЫЙ АТЛАСЪ (по Русской Исторіи), 29 картъ. 9 изд. Цѣна въ папкѣ 75 к. Выписывающіе отдѣльные атласы прилагаютъ на перес. заказн. бандер.: за 1 экз.—15 коп., за 2 экз.—25 коп., за 3 экз.—35 коп. и за 4 экз.—40 к.

Сибирь и Туркестанъ. Атласъ по вѣдѣнію Бар. Н. Н. Торнау. 12 картъ и 10 статистич. таблицъ съ объяснит. текстомъ. Ц. атласа въ папкѣ 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Арнольдъ, О. К. „РУССКІЙ ЛѢСЪ“, въ 3-хъ томахъ (въ 4-хъ книгахъ), со множествомъ рисунковъ, съ картами и планами. ТОМЪ I. 2-е дополнен. изданіе (422 стр. in 8°), съ 2 картами. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ перепл. 4 р. 75 к., съ перес. 5 р. 25 к. ТОМЪ II, ч. I, содержащ. „ЛѢСНУЮ БОТАНИКУ“, съ 17-ю эстампами на мѣди и 125 гравюр. на деревѣ. 2-е изд. 725 стр. in 8°. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.; въ перепл. 5 р. 75 к., съ перес. 6 р. 25 к. ТОМЪ II, ч. II, содерж. „ЛѢСНУЮ ТЕХНОЛОГИЮ“, съ 425 рис., 599 стр. in 8°. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ перепл. 4 р. 75 к., съ перес. 5 р. 25 к. ТОМЪ III. 2-е изданіе, съ 6-ю рис. и 2 планами. 401 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к. Цѣна за всѣ три тома (4 книги) 15 р., съ перес. 16 р.; въ перепл. 18 р., съ перес. 19 руб.

Скромный и постный столъ. Самая хозяйственная книга для приготовленія 2.800 блюдъ. Сост. О. Павловская. 5-е изданіе. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ перепл. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Косткевичъ, М. Д. „РУКОВОДСТВО И ШИТЬЯ ДАМСКИХЪ, ДѢТСКИХЪ (ДЛЯ ДѢВЧЕКЪ И МАЛЬЧИКОВЪ) И ВЕРХНИХЪ ПЛАТЬЕВЪ“. 2-е дополненное и переработанное изданіе, съ 118-ю рис. въ текстѣ и съ прилож. 12-ти листовъ выкроечныхъ рисунковъ, 4-хъ выкроечныхъ линеекъ и 40 масштабовъ. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 75 к.

Ределинъ, М. РУКОВОДСТВО КЪ ХОЗЯЙСТВУ ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ. Книга имѣетъ 23 отдѣла, и, кажется, не найдется ни одного вопроса по хозяйству, на который въ ней не было бы отвѣта. Изящное изданіе около 350 стр. въ 8-ю д. л. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.; въ перепл.—2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Целль-Томъ, П. УПРОЩЕННАЯ ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕТОДА КРОЙКИ И ШИТЬЯ. Практическая метода. Кройка и шитье дамскихъ и дѣтскихъ платьевъ, дамскаго, мужскаго и дѣтскаго бѣлья. Стирка и глаженіе. Иллюстрир. руководство къ самообученію и преподаванію, съ 158 рис. въ текстѣ и 33 таблицами выкроекъ, съ прилож. историч. обзоромъ искусства вышиванія съ 33 узорами вышивокъ. Цѣна руководству 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.; въ перепл. 2 р. 40 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Шульговская, А. РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ простой и изящной дамской, мужской и дѣтской ОБУВИ по новой, легкой и скорой методѣ. 4-е изд., съ 130 рис. Цѣна съ перес. 1 руб.

Сергѣевъ, Л. П. Альбомъ рисунковъ для выпиливанія изъ дерева. 30 листовъ со множествомъ рисунковъ разнообразныхъ предметовъ для ажурныхъ работъ. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Де-Шагренъ, К. 64 рисунка для изданія перес. Марія Линдеманъ. 2-е изданіе. На 36 таблицахъ помѣщено 125 чертѣжей, разработанныхъ настолько тщательно, что составленіе выкроекъ и приспособленіе ихъ ко всякой фигурѣ является легкимъ дѣломъ даже для тѣхъ, кто совершенно неопытенъ въ этомъ отношеніи. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

Руководство къ кройкѣ бѣлья мужскаго, дамскаго и домашняго употребленія. Съ 8-го изданія. Изданіе перес. Марія Линдеманъ. 2-е изданіе. На 36 таблицахъ помѣщено 125 чертѣжей, разработанныхъ настолько тщательно, что составленіе выкроекъ и приспособленіе ихъ ко всякой фигурѣ является легкимъ дѣломъ даже для тѣхъ, кто совершенно неопытенъ въ этомъ отношеніи. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

Шитье рѣшетками по выдерпнутымъ ниткамъ. 61 стр. текста, съ 107 рис. и съ приложеніемъ 20 таблицъ узоровъ. Цѣна съ перес. 80 коп.

Анохинъ, А. К. НОВАЯ СИСТЕМА КОМНАТНОЙ ТЕПЛОТЫ. Психологическія движенія. 4-е изд., съ 15 рис. и съ приложеніемъ таблицы упражненій. Цѣна съ перес. 4 р.

Литке, А. „Альбомъ монограммъ“ для мѣтки бѣлья, гравированія, рѣзбы, штампованія, выпиливанія, отливки, чеканки. 42 таблицы, изъ которыхъ 900 монограммъ и пр. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб.

Югансонъ, Ю. А. ПОВАРЕННАЯ КНИГА. Руководство для приготовленія простыхъ, тонкихъ и вегетарианскихъ обѣдовъ. Въ книгѣ помѣщены рецепты для изготовленія масла и сыровъ, колбасъ, сосисокъ, ржаного рода консервовъ, ликеровъ, наливковъ и пр. 945 стр. in 8, съ 65 рис. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ перепл. 4 р. 80 к., съ перес. 5 руб.

Левенецъ, Б. А. ДВА АЛЬБОМА УЗОРОВЪ для вышиванія по канвѣ, крестикомъ и гладью. Составленные по оригинамъ рисункамъ. Выпуски I-й и II-й. На 25 листахъ каждого альбома помѣщено около 200 узоровъ, отпечатан. въ нѣсколько красокъ. Кройка узоровъ, въ альбомахъ помѣщены цифры и очень красивыя русскіе алфавиты. Цѣна каждого альбома 2 руб., съ перес. 2 р. 40 к. Оба вмѣстѣ 4 р., съ перес. 4 р. 75 к.

Ределинъ, Марія. „ДОМЪ И ХОЗЯЙСТВО“. Руководство къ рацион. веденію домашняго хозяйства въ городѣ и деревнѣ. Изд. 4-е въ 2-хъ т., со 161 иллюстр., 900 стр., въ 8 д. л. Первый томъ заключаетъ въ себѣ общія основанія вышнлаго домоустройства и массу важныхъ практич. указаній по домохозяйству. Второй томъ представляетъ отличную поваренную книгу, содержащую 1190 кухонныхъ рецептовъ. Цѣна за оба тома 4 р., съ перес. 4 р. 50 к., а въ перепл. 4 р. 80 к., съ перес. 5 р. 50 к. Цѣна за каждый томъ 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., въ перепл. 2 р. 40 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Руководство къ кройкѣ бѣлья мужскаго, дамскаго и домашняго употребленія. Съ 8-го изданія. Изданіе перес. Марія Линдеманъ. 2-е изданіе. На 36 таблицахъ помѣщено 125 чертѣжей, разработанныхъ настолько тщательно, что составленіе выкроекъ и приспособленіе ихъ ко всякой фигурѣ является легкимъ дѣломъ даже для тѣхъ, кто совершенно неопытенъ въ этомъ отношеніи. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

Артикова, М. О. Руководство для самоучащагося къ изученію вышиванія по дереву, кожѣ, древесной папкѣ, стой и слоновои кости, суку и бархатѣ. Съ 22 рис. Цѣна 30 коп., съ перес. 40 коп.